

Максим Горький

Сомов и другие

Максим Горький Сомов и другие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2136415

Аннотация

Пьеса «Сомов и другие» отражает один из важнейших периодов борьбы за социалистическое строительство в СССР, когда был раскрыт ряд заговоров, направленных к подрыву экономической мощи СССР с целью ослабления, а затем и свержения Советской власти и восстановления капитализма.

Содержание

Действующие лица	4
Первый акт	6
Второй акт	30
Третий акт	53
Четвёртый акт	75

Максим Горький

Сомов и другие

Действующие лица

Сомов – инженер, лет 40, говорит суховато; под его сдержанностью чувствуется сильное нервное напряжение, в сценах с матерью – резок и даже груб, в сцене с женой, обнаруживая своё честолюбие, откровенен не потому, что говорит искренно, а потому, что проверяет себя.

Анна – его мать, – лет 60, женщина бодрая, хороших «манер».

Лидия – лет 27, ленивые движения, певучий голос, жить ей одиноко и скучно; Арсеньева оживляет воспоминания юности её, и потому она тянется к ней.

Яропегов – лет 40–42, – школьный товарищ Сомова, человек, которого Лидия объясняет правильно.

Богомоллов – лет 60, – обижен, обозлён.

Изотов – лет 55, – картёжник, любит поесть, выпить.

Троеруков – неудавшийся авантюрист, человек, способный на всё из мести за свои неудачи.

Титова – лет 45, – толстая, пошлая, неглупая.

Арсеньева – лет 30, – человек, увлечённый своим делом.

Терентьев – лет 35, – рабочий, директор завода, добро-

душен.

Дроздов – лет 30, – красив, суров, недоверчив.

Китаев – лет 30.

Крыжов – за 60 лет.

Семиков – лет 25–23, – вялый парень.

Миша – лет 20.

Дуняша – тоже.

Людмила – 18–20 лет.

Фёкла – за 60 лет.

Лисогонов – тоже.

Силантьев – лет 45.

Первый акт

Новенькая, деревянная дача. Терраса; у стола – Анна Сомова, в капоте, пенсне; читает газету; перед нею – кофейный прибор.

Дуняша. Спекулянт масло принёс.

Анна. Во-первых: надо говорить – частник, а не спекулянт.

Дуняша. Мы так привыкли.

Анна. Спекулянт – обидное слово, обижать людей – дурная привычка. Во-вторых: где Фёкла?

Дуняша. Ушла куриц покупать, что ли...

Анна. Пусть Силантьев подождёт.

Дуняша. Он денег хочет.

Анна. Просит, а не – хочет.

Дуняша. Не хотел бы, так не просил.

Анна. Вы говорите много лишнего. Пусть придёт сюда. – *(Сердито, через газету смотрит вслед Дуняше. Отшвырнув газету, подходит к перилам террасы. На лестнице Силантьев, мужик лет 45.)* Здравствуйте, Силантьев!

Силантьев. Доброго здоровья, Анна Николавна.

Анна. Ну, что у вас, как – дочь?

Силантьев. Плохо.

Анна. Не помогает доктор?

Силантьев. Нет. Да ведь какой она доктор, извините...

Анна. Что ж она говорит?

Силантьев. Да ведь что ей говорить? Она не её, она – меня всё лечит. Не так, видишь ты, думаю я, не её мыслями. Я ей говорю: «Ты – брюхо лечи, а не душу, душу лечить – дело не твоё! Ты, говорю, себе душу-то полечи».

Анна. Очень жаль, что Маша захворала, я так привыкла к ней.

Силантьев. Новая-то у вас бойка больно.

Анна. Да, вот до чего дожили мы, Силантьев!

Силантьев. Не говори! Дышать нечем. Комсомол этот, Мишка: «На Кавказ, говорит, надобно Марью-то». Это – в старину солдат на Кавказ посылали, а она девка.

(Сомов вышел, стоит у стола, разбирая газеты, прислушивается.)

Силантьев. Учит меня: «Ты, говорит, богатый, а для дочери денег жалеешь».

Анна. Они – завистливы на чужое богатство.

Силантьев. Ну да! Понимают, что человек без денег – как птица без крыльев...

Анна. А всё, что у нас отняли, – промотали...

Сомов. Надо бы кофе...

Анна. Ах, ты здесь? Позвони...

Сомов. Не действует звонок. Вы уж сами...

Анна. Идите в кухню, Силантьев, я там расплачусь с вами.

Силантьев. Дрова тут возил я вам. Да за двух зайцев...

[Силантьев уходит.]

Анна. Хорошо, хорошо! (Подходит к двери, звонит.) Звонки действует.

Сомов. Не одобряю я эти твои беседы.

Анна. Ах, вот почему не звонит звонок! Ты что хочешь, чтоб я онемела, когда все кругом возмущены?

Сомов. А ты организуешь возмущение, да?

Анна. Мне кажется – с матерью не следовало бы говорить иронически! И даже не поздоровался.

Сомов. Прости. Но твои «беседы с народом», вроде этого торговца, Лисогонова и...

Анна. Ты считаешь глупыми? Нет, уж ты разреши мне это! Ты живёшь с умниками, а я привыкла жить с глупыми, но честными...

Сомов. Я должен сказать, что мне особенно не нравится этот, хотя и полуумный, но подозрительный учитель пения...

Анна. Он – учитель истории, а пению учит по нужде. Ты ведь знаешь, что теперь в России истории нет...

Сомов. Послушай, мама...

[Входит Яропегов.]

Яропегов. Бонжур¹, мадам! Николай, у тебя в спальне мухи есть?

Сомов. Есть.

Яропегов. Советую: бей мух головной щёткой!

---

¹ Добрый день (франц.) – Ред.

Сомов. Нелепая у тебя привычка начинать день глупостями!

Яропегов. Это – не глупости, а ценное открытие. Я вчера, ложась спать, перебил щёткой несколько десятков мух. Кстати – об открытиях: Иваненко сообщает, что открыл богатейшие залежи полиметаллической руды. Везёт советской власти!

Анна. А – кто везёт? Это – вы, вы везёте! Страшно подумать, что вы делаете... *(Возмущена почти до слёз, уходит, говоря.)* Только и слышишь: там открыли, тут нашли... Ужас!

Яропегов. Боевое настроение мамыши всё повышается...

Сомов. Здесь это ещё более неуместно, чем в городе.

Яропегов. Ты хотел весной отправить её и Лидию за границу?

Сомов. Неудобно было хлопотать.

(Дуняша вносит кофе.)

Яропегов. Как спали, Дуня?

Дуняша. Лёжа, Виктор Павлович.

Яропегов. А что во сне видели?

Дуняша. Ничего не видала, я сплю закрыв глаза.

Яропегов. Браво!

[Дуняша уходит.]

Сомов. Дерзкая девчонка.

Яропегов. Очень милая курочка!

Сомов. Я смотрю на неё не с точки зрения петуха.

Яропегов. Ты что сердишься? Не выпался?

Сомов. Вчера Терентьев наговорил мне комплиментов, с этим, знаешь, чугунным его простодушием. И кончил так: «Замечательный, говорит, вы работник, товарищ Сомов, люблюсь вами и думаю: скоро ли у нас свои такие будут?»

Яропегов. Ну, и – что ж? Чувствует, что мы не товарищи, а или гуси или свиньи.

Сомов. Ты всё шутишь, Виктор, грубо и неумно шутишь. Смазываешь себя жиром шуточек, должно быть, для того, чтоб оскорбительная пошлость жизни скользила по твоей коже, не задевая души.

Яропегов. Какой язык!

Сомов. И забываешь о том, что нам необходимо полное доверие с их стороны.

Яропегов. Я склонен думать, что пользуюсь таковым.

Сомов. Ты! Доверие необходимо нам всем, а – не единице! Против нас – масса, и не надо закрывать глаза на то, что её классовое чутьё растёт. Ты читаешь им что-то такое, ведёшь беседы по истории техники, что ли... они принимают это как должное...

Яропегов (*смеётся*). Они лезут ко мне в душу, точно в карман, где лежат их деньги. Говоря правду – мне это нравится.

Сомов. То есть тебя это забавляет, но ты ошибаешься, думая, что они относятся к тебе лучше, более доверчиво, чем ко мне, Богомолу.

[Входит Фёкла.]

Фёкла. Николай Васильич...

Сомов. Что вам нужно?

Фёкла. Анна Николаевна спрашивает: придёт к завтраку кто-нибудь?

Сомов. Да. Двое.

Фёкла. А что готовить?

Сомов. Ну... Всё равно!

Яропегов. Что у вас есть?

Фёкла. Курочка есть хорошая.

Яропегов. Опять курочка! Побойтесь бога...

Фёкла. Нет уж, покорно благодарю, боялась, да перестала! Телятина есть.

Яропегов. Фёкла Петровна, – неужто бога-то не боитесь?

Фёкла. Нет, Виктор Павлыч, весёлый человек, не боюсь! Я – старушка неверующая, мне бог столько судьбы-жизни испортил, – вспомнить горестно! Так чего же готовить? Мозги есть.

Яропегов. Мозгов у нас своих избыток.

Фёкла. А – не хватает завтрак заказать.

Сомов. Послушайте, идите к жене...

Фёкла. Почивает ещё.

Сомов. Ну... Вы мешаете нам!

Фёкла. Так я – ушла. А опоздает завтрак, уж не моя вина.

[Уходит.]

Сомов (*раздражён*). Удивляюсь, как ты можешь болтать

с этой дурой!

Яропегов. Это, брат, замечательная старуха! Жизнь её – сплошная драма, но она рассказывает её в юмористическом тоне!

Сомов. Ах, пошли ты её к чёрту!

Яропегов. Нет, ты попробуй, вообрази драму в юмористическом тоне...

Сомов. Послушай, ты нарочно дразнишь меня?

Яропегов. Тебя вот оцарапало простодушие Терентьева, и ты уже – готов! Воспринимаешь жизнь трагически.

Сомов. Брось болтать чепуху, Виктор.

Яропегов. У тебя, брат, кислая дворянская закваска, а у меня: дед – дьякон, отец – унтер-офицер...

Сомов. Ах, не говори пошлостей...

Яропегов. Ну, брат, классовая заквасочка – не подлость, это ты бухнул зря!

(Пауза.)

Сомов. Геологи чересчур много открывают. Рентабельность этих открытий весьма сомнительна. Протасов сравнивает геологов с девицами, которые, торопясь выйти замуж, слишком декольтируются.

Яропегов. То есть хотят угодить властям? Я слышал, что последний доклад его – насквозь антисоветская пропаганда.

Сомов. Чепуха! Просто он – как всегда – грубовато говорил...

Яропегов. Вообще у вас тут атмосферочка ядовитая. Это

– что? Воздействие шахтинского процесса?

Сомов. Ядовитости – не замечаю, а «самокритика» сильно растёт. Ну, разумеется, и шахтинское дело нельзя забыть. Кроме того, разлад в Кремле...

Яропегов. Возбуждает надежды?

Сомов. Говорит о том, что товарищи трезвеют.

Яропегов. Гм? Так ли? По-моему, лучшие из них – неизлечимые алкоголики от идеологии. Идеологии у них – девяносто процентов.

Арсеньева (*входит на лестницу*). Лидия Борисовна дома?

Сомов. Да. У себя. Пожалуйста...

Яропегов. Это – что?

Сомов. Учительница, подруга жены по гимназии.

Яропегов. Какая... гм! Партийка?

Сомов. Не знаю, не знаю! Слушай, Виктор, к завтраку придет Богомолов...

Яропегов. Настраиваюсь благоговейно.

Сомов. Он, вероятно, начнет говорить о фабрике Лисогонова, о её восстановлении, расширении и так далее. Я – решительно против этого. Не вижу смысла реставрировать и обогащать мелкие предприятия туземцев. Ты знаешь мою точку зрения: ориентация на европейца, на мощность... Советская власть должна вернуться к концессиям, иначе...

Яропегов (*закуривая*). И так далее. В общем – гениально.

Сомов. У Богомолова – личные причины, какая-то ста-

рая связь, даже, кажется, родство с Лисогоновым. (*Гудок автомобиля.*) О, чёрт! Кто это?

Яропегов. Терентьев. И этот, новый, его заместитель.

Сомов. Не очень приятная фигура.

Яропегов. Интересный парень, кажется.

[Входят Терентьев и Дроздов.]

Терентьев. Почтение строителям!

(Дроздов молча пожимает руки.)

Сомов. Добрый день, Иван Иванович...

Терентьев. День – хорош, да вот из Москвы – нагоняй нам. Читали?

Сомов. Нет. Где?

Терентьев. А – вот!

Яропегов *(Дроздову)*. Курите?

Дроздов. Спасибо.

Яропегов. Охотник?

Дроздов. Балуюсь. А – как вы догадались?

Яропегов. Видел вас в лесу с ружьём.

Дроздов. Ага! *(Отходит в дальний угол террасы.)*

Сомов. Ну, это пустяки!

Терентьев *(вздыхая)*. Самокритика, конечно...

Сомов. Да, загибают...

(Лидия, Арсеньева – выходят из комнаты.)

Лидия. Может быть, ты позовёшь товарищей к себе?

Сомов. Да. Пожалуйста, Иван Иванович.

Терентьев *(пристально и удивлённо смотрит на Арсе-*

ньеву, зовёт). Борис – идём!

(Трое ушли. **Яропегов** остался, сидит на перилах.)

Лидия (звонит). Да, очень скучно!..В городе все недовольны, живут надув губы, ворчат, сплетничают на партийцев, рассказывают старые московские анекдоты.

Арсеньева. Город затхлый.

Лидия. И ни одной шляпы к лицу нельзя найти.

Арсеньева. А ты сама сделай.

Яропегов. Зато – легко потерять лицо.

Лидия. Вы зачем тут подслушиваете? Знакомьтесь: Виктор Павлович Яропегов, Екатерина Ивановна Арсеньева.

Яропегов. Весьма рад!

Лидия. Я – не умею делать шляп. И вообще ничего не делаю.

Яропегов. Это – лучше всего гарантирует от ошибок.

Лидия. Жалкая ирония. Вот вы, инженеры, делаете и всё ошибаетесь, и вся ваша деятельность – ошибка.

Яропегов. Совершенно так же думает Анна Николаевна. С её политико-эстетической точки зрения в сельском пейзаже церковь гораздо уместнее, чем фабрика.

(*Дуняша – в дверях.*)

Лидия. Кофе, Дуняша, кофе! И хлеба. Вы ужасно медленно спешите на звонки.

Дуняша. Наверху была. [*Уходит.*]

Яропегов. Вы, я слышал, учительница?

Арсеньева. Да.

Яропегов. Совершенно не похожи.

Арсеньева. Это – порицание или комплимент?

Яропегов. Комплименты говорить вам я не решаюсь, да и времени для этого много требуется.

Арсеньева. Мне приятно, что вы дорожите временем.

Лидия. Ты, Катя, осторожнее с ним, он отчаянный ухажёр, как теперь говорят.

(Дуняша приносит кофе.)

Сомов *(кричит)*. Виктор!

Яропегов. Пардон² *[Уходит.]*

Арсеньева. Кто это?

Лидия. Приятель мужа, был женат на сестре его, овдовел. Очень талантливый, забавный, пьяница, немножко – шут, нахал и бабник. Вот, если хочешь замуж...

Арсеньева. Нет, спасибо! После такой характеристики – расхотелось.

Лидия *(смеётся)*. Ты удовлетворена жизнью?

Арсеньева. Нет, конечно. Я даже и не представляю, как можно быть удовлетворённой в наше время.

Лидия *(подумав)*. Это ты сказала что-то серьёзное, я не понимаю!

Арсеньева. Очень просто понять. Людей, для которых жизнь была легка и приятна, – не может удовлетворить то, что она разрушается, а те, кто разрушает, – не удовлетворены, что разрушается она не так быстро, как хотелось бы.

---

² Извините *(франц.)* – Ред.

Лидия. Вот какая ты стала... философка! И тебе искренне хочется, чтоб старая жизнь скорее разрушилась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Как просто! Да, и – всё! Но ведь ты сказала, что не партийка?

Арсеньева. Я сочувствую работе партии.

Лидия (*вздыхнув*). Ты была такая... независимая! Не понимаю, как можно сочувствовать, когда все против партии.

Арсеньева. Все, кроме лучших рабочих. И ведь вот муж твой и его друг...

Лидия. Ну-у, муж!.. Он скрепя сердце, как говорится...

Арсеньева. Разве?

Лидия. А Яропегов, он, знаешь, едва ли вообще способен чувствовать, сочувствовать. Он такой, знаешь... пустой! Вот он – независим. Сочувствовать – значит, уже немножко любить кого-то, а любовь и независимость не соединяются, нет!

Арсеньева. Ты замени кого-то чём-то.

Лидия. Не понимаю! И – вообще – что случилось? Фабрики всегда строили.

Арсеньева. Строили, да – не те люди и не для того, для чего теперь строят. Вот тебе нравится независимость, но она будет возможна для одного только тогда, когда все будут независимы.

Лидия. Это и называется – утопия? Кстати: ты купалась?

Арсеньева. Да.

Лидия. Удивительно ты говоришь – да! Вот идёт Миша.

Миша. А, чёрт...

Лидия. Он всегда ругается.

Миша. Вовсе не всегда.

Лидия. Надо сказать: здравствуйте, а он говорит: чёрт!

Миша. Китайские церемонии! А у вас тут гвозди торчат, взяли бы молоток да забили.

Лидия. Не хочу забивать гвозди! Садитесь, кофе дам.

Миша. Не хочу. Товарищ Арсеньева...

Лидия. Знаешь, товарищ Арсеньева, Миша влюблён в меня.

Миша. Я? В вас? Ну, уж это – дудочки! Вы даже и не нравитесь мне.

Лидия. Серьёзно?

Миша. Ну, конечно!

Лидия. Я очень рада, если так.

Миша. Да уж так! А радоваться – нечему. И – неправда, что вы рады. Интеллигенты любят нравиться, всё равно кому...

Лидия. Вы успокоили меня, Миша!

Миша. Успокоил? Эх вы... Чем это я вас успокоил? И вовсе вы ничем не беспокоились. Мешаете только...

Лидия. Я – молчу.

Арсеньева. Вы, Миша, не в духе?

Миша. Да что же, товарищ Арсеньева!.. Бюрократ этот, Дроздов, доски для эстрады запретил брать на стройке, как же мы расширим эстраду? Китаев – разрешил, а он – нельзя!

Тоска! И тоже всё шуточки шутит, как будто интеллигент какой-нибудь.

Арсеньева. Дроздов – здесь, я поговорю с ним.

Лидия. Пейте кофе, Миша!

Миша. Ладно. То есть – спасибо! И потом к занавесу надобно два полотнища пришить, а он говорит – это пустяки! Флаги истрёпанные, и мало флагов... И, говорит, вы должны действовать самообложением, а – каким чёртом мы самообложимся?

Лидия. Ох, Миша...

Миша (*успокоительно*). Ну, ничего! Вы сама тоже, поди-ка, здорово ругаетесь, это и по лицу видно. Без этого – не проживёшь... Мы и так за месяц утильсырья сдали на сорок семь рублей да на укреплении плотины заработали семьдесят три, так ведь на ремонт избы-читальни да по ликбезу...

(*Терентьев, Дроздов, Сомов.*)

Терентьев. Значит – так: вы едете на фабрику, я побегу взглянуть, что делают на стройке.

Арсеньева. Можно вас на пару слов?

Дроздов. Всегда готов! (*Идут, Миша за ними.*)

Сомов. Хотите кофе, Иван Иванович?

Терентьев (*глядя вслед уходящим*). С удовольствием. С удовольствием.

Сомов. До свидания. (*Ушёл.*)

Терентьев. Погода-то, Лидия Петровна, а? Отличная погода!

Лидия. Очень хорошая погода.

Терентьев. Именно! Это... эта женщина – кто такая?

Лидия. Учительница в Селищах, подруга моя.

Терентьев. Та-ак. Что же это я её не видал раньше?

Лидия. Да она здесь только с осени и недавно воротилась из Москвы...

Терентьев. А вы... давно знаете её?

Лидия. В гимназии учились вместе.

Терентьев. В каком городе?

Лидия. В Курске.

Терентьев. Ага! Вот оно что!

Лидия. Что это вас обрадовало?

Терентьев. Тут... случай такой! Черносотенный городок! Я был в нём при белых.

Лидия. Ужасные дни!

Терентьев. Да, на войне страшновато. Особенно – ежели отступать. Наступать – это очень легко.

Арсеньева (*возвращается*). Ну, Лида, мне нужно идти в село.

Терентьев. Погодите-ко, позвольте... то есть – извините! Ведь вы – дочь доктора Охотникова?

Арсеньева. Да. Но я вас не помню...

Терентьев. Ну – где же помнить! Однако это я самый лежал у вас, в квартире, в Курске, раненый...

Арсеньева. Фёдор... забыла как! Узнать вас трудно.

Терентьев. Ещё бы! Почти восемь лет прошло. К тому

же я тогда был Степан Дедов, а настоящее имя моё Иван Терентьев. И растолстел, всё в автомобилях живу. Вот видите – встретились, а? Чёрт знает что! Учителствуете?

Арсеньева. Да.

Терентьев. Так. В партии?

Арсеньева. Нет.

Терентьев (*несколько огорчён*). Почему?

Арсеньева. Сразу не расскажешь.

Терентьев. А я думал, что вы, после того – в партию!
Ваше поведение...

Арсеньева. Ну, какое же поведение!

Терентьев. Однако – риск!

Арсеньева. Тогда не одна я рисковала.

Терентьев. Нашли бы меня у вас – пуля вам или – вешалка... Ну, а отец?

Арсеньева. Его, как врача, мобилизовали белые, а на другой день какой-то пьяный офицер застрелил его...

Лидия. Как ты... спокойно!

Терентьев. Та-ак! Хороший был человек! (*Лидии.*) «Вы, говорит, желаете жить? Ну, так делайте что вам велят!» (*Смеётся.*) Вот история! И – даёт рыбий жир. Противная жидкость, да и команда эдакая: делай, что велят! А я с двенадцати лет делал чего не велят, и мне уже было двадцать семь. В тюрьме сидел, в ссылке был, бежал, работал нелегально, считал себя совсем готовым человеком. И – вдруг: делай что велят, пей рыбий жир! Положим, кроме рыбе-

го жира, питаться нечем было. (*Арсеньевой.*) Его ведь звали Иван Константинович? Что ж, Катерина Ивановна, – по всем правилам нам следует возобновить знакомство?

Арсеньева. Я – не прочь.

Терентьев. Чудесно! (*Лидии.*) Заговорили мы вас? То есть это я заговорил...

Лидия. Нет, что вы! Мне интересно... Хорошо встретились вы...

Терентьев. Хорошо? Да, бывает.

Дроздов (*за террасой*). Катерина Ивановна – ждём! Ваня всегда с дамами.

Терентьев. Это – с больной головы на здоровую.

Дроздов. Ты, Ваня, с Катериной Ивановной осторожно, она – человек враждебный нам.

Терентьев. Не верю!

Арсеньева. Не нам, а – вам, товарищ Дроздов. До свидания, Лида.

Лидия. Ты вечером придёшь?

Арсеньева. Нет.

Лидия. Приходи!

Арсеньева. Не могу, дело есть. (*Идёт с Дроздовым.*) Так вы не забудете?

Дроздов. Всегда готов служить вам.

Арсеньева. Не мне, а ликбезу. Я в услугах ваших не нуждаюсь.

Дроздов. Строго.

(Арсеньева и Дроздов уходят.)

Терентьев *(задумчиво глядя вслед им)*. Ну, пойду и я. До свидания.

(Лидия одна, позванивает чайной ложкой по графину с водой.)

Дуняша *(входит)*. Лисогонов пришёл...

Лидия. Вы знаете, что Николай Васильевич уехал. Пусть он идёт к Анне Николаевне.

Дуняша. Он вас спрашивает.

Лидия. Я не могу принять его.

(Входит Лисогонов.)

Дуняша *(усмехаясь)*. А он уж кругом обошёл, старый чёрт...

Лисогонов. Разрешите, уважаемая...

Лидия *(встаёт)*. Что вам угодно? Я чувствую себя плохо.

Лисогонов. Все, все плохо чувствуют себя! Местность нездоровая, болото близко, – местность эта не для интеллигентных людей... Рабочие, конечно...

Лидия. Вы именно ко мне, да?

Лисогонов. Именно-с! Вот вы на спектакле сожаление выразили, что теперь нельзя достать кружев старинных. Действуя по симпатии, всё можно достать! И вот-с мамыши моей кружева желал бы преподнести...

Лидия. Простите, я должна... распорядиться... *[Уходит]*

Лисогонов *(прячет кружева, ворчит)*. Дура, дура... *(На-*

дулся, покраснел.)

(Анна Сомова, Титова.)

Анна. Здравствуйте, Евтихий Антонович!

Лисогонов. Низжайшее почтение!

Титова. Чего в карман прячешь, Евтихий, человек тихий?

Лисогонов. Платок.

Титова. Двадцать лет человека знаю и – хоть бы что! За-мариновался, как гриб в уксусе.

Лисогонов. В слезах замариновался.

Титова. Чужих слёз ты много пролил, это известно!

Лисогонов. Любишь ты, Марья Ивановна, насмешки...

Титова. А что мне любить осталось?

Анна. Лидия сказала – кружева продаёте?

Лисогонов. Я? Нет. То есть я хотел... но могу и продать.

Анна (*рассматривает кружева*). Русские...

Лисогонов. Не знаю-с. (*Титовой.*) Нам, обойдённным лю-дям, смеяться друг над другом не следовало бы.

Титова. Разве я со зла смеюсь? Я – от удивления. Гляжу вот на тебя, сома, и – смешно: как это сом допустил, что ер-ши на сухое место загнали его и стал он ни рыба, ни свинья?

Анна. Марья Ивановна грубовато говорит, такая у неё ма-нера, а говорит она всегда умно.

Лисогонов. За это, за ум и прощается ей...

Титова (*рисуюсь*). И на пролетариев смотрю – удивляюсь! Ах ты, думаю, пролетариат, пролетариат, и куда ты, пролета-

риат, лезешь?

Лисогонов. Н-да... Величайшие умы и силы, от Христа до Столыпина, пробовали жизнь по-новому устроить...

Анна. Надолго испортили жизнь.

Титова. А, бывало, придёшь к частному приставу, дашь ему кусочек денег, скажешь: «Ах, какой вы чудный!» Верит, идиот, и способствует.

Анна. В полиции офицера гвардии служили...

Лисогонов. И все были сыты...

Титова. И везде, на всех видных местах, благожелательные идиоты сидели...

Анна (*обиженно*). Но – почему же идиоты?

Титова. Так уж теперь считают их, а они, конечно, просто благожелательные были. Я хорошо людей знаю, у меня ведь магазин модный был и отделеннице наверху для маленьких удовольствий. Посещали меня всё богачи да кокоточки, генералы да ренегаты...

Анна. Позвольте, – какие ренегаты?

Титова. Ну, эти... как их? Деренегаты.

Анна. Дегенераты?

Титова. Вот, вот! Попросту – выродки...

Анна. Смешная вы.

Титова. Я – добрая, я никого не хаю, все люди кушать хотят и удовольствия немножко.

Лисогонов. И уж не так жадны, брать – брали, да – не всё! А поглядите, до чего теперь жадно стали жить!

Анна. Да, да! Всякую дрянь собирают, какое-то утильсырьё, это в России-то! Какой стыд перед Европой!

Титова. А что им Европа? Они вон мордву грамоте научили...

(Дуняша – выглянула с половой щёткой в руке.)

Анна. Пойдёмте в лес, посидим там.

Титова.

На песочке, над рекой,
Где приволье и покой.

Лисогонов. Земля у нас золотом плюётся, так сказать...

Анна. Как ваши дела?

Лисогонов. Да – что же? Вокруг – строятся, а мой заводик стоит, как был. Случится что-нибудь... переворот жизни, например, – у всех прибыло, всем – пристроено, а я окажусь, как есть, в нищих...

Титова. Врёшь, Евтихий! Деньжонки у тебя есть...

Лисогонов. Какие? Где?

Титова. Золотые. Спрятаны.

Анна. Сколько же вы хотите за кружево?

Лисогонов. Да... как сказать? Кружево редкое.

(Ушли. Дуняша вышла, убирает со стола, напевая. Метёт.)

(Входит Фёкла.)

Фёкла. Ты что это, Дунька, замёрзла? Скоро час, а у тебя

не убрано.

Дуняша. Не хулигань, старуха! Вон тараканы-то, только что выползли отсюда.

Фёкла. Титова-то бо-огатая была! Дом свиданий держала в Москве.

Дуняша. Это что за дом?

Фёкла. Вроде публичного для замужних.

Дуняша. Старик тут о перевороте говорил.

Фёкла. А о чём ему говорить? Они все тут кругом только об этом и говорят. *(Взяла два куска сахара.)* Без стыда, без страха. Вон они уселись, три мухомора.

Дуняша. Ты бы сахар-то не брала.

Фёкла. Ничего, я – не себе, а ребятишкам сторожа. *(Смотрит в деревья.)* Ты на кого сердисься?

Дуняша. Рабочая, крестьянская власть, а господа остались, – вот на кого.

Фёкла. Не сердись, они – старенькие, помрут скоро! Глупые. В старости надобно бы хорошо жить, в старости – ни жарко ни холодно, ничему не завидно.

Дуняша. Замолола!

Фёкла. Верно говорю! В молодости живёшь – беспокоишься в кого влюбиться да – как – нарядиться, я вот всё это исполняла, да дурочкой и осталась. *(Дуняша ушла, Фёкла, позевнув, дремлет.)* А скоро мне, Феклуше, – каюк! Вот эдак-то и с тобой будет, Дунька... Значит – учись! Все учатся... гляди-ко! Не будешь учиться, – проживёшь как мышь... в

погребу...

(Лидия, Богомолов [выходят] из комнат.)

Лидия (*Фёкле*). Вы что тут делаете?

Фёкла. Помогаю Дуняшке.

Лидия. А там дверь открыть некому...

Фёкла (*уходя*). Дверь открыть – просто.

Лидия (*Богомолову*). Прислуга совершенно несносна.

Богомолов. Да, рассуждает. Все, знаете, рассуждают. Мы – работаем. Работаем и получаем за это возмездие, например, в форме шахтинского процесса, понимаете...

Лидия. Яропегов говорит, что в этом случае инженеры действительно шалили.

Богомолов. Он это говорил? Кому?

Лидия. Мне.

Богомолов. Шалили?

Лидия. Да.

Богомолов. Это он... посмешить вас хотел! Он вообще... любит шуточки, словечки.

Лидия. Кажется, – Николай едет.

Богомолов. Да, да, он! Яропегов, эдакий, понимаете, вроде старинного нигилиста. Ни в чох ни в сон – не верит. Ну и мы ему верить не должны, так?

[Входит Сомов.]

Сомов. Извините, Яков Антонович, – опоздал!

Богомолов. По-ожалуйста!

Сомов. Завтракаем, Лида?

Лидия. Всё готово...

Сомов. Прошу к столу! А где мать?

Лидия. Идёт.

Сомов. Водочки?

Богомоллов. Водку хорошо пить с Яропеговым, – да вот и он! Здравствуйтесь, дорогой!

[Входит Яропегов.]

Яропегов. Моё почтение.

Богомоллов. Я вот только что, знаете, сказал, что вы, умея вносить во всякое дело остроту, эдакую, понимаете... лёгкость...

Яропегов. Водку пью легко?

Богомоллов. Что и делает её приятней. Даже, знаете, некролог Садовникова вы написали несколько...

Яропегов. Покойников некрологи не интересуют.

Богомоллов *(смеётся)*. Да ведь некрологи-то не для лих и пишутся, а – для нас.

Анна *[входит]*. Здравствуйтесь, Яков Антонович!

Богомоллов. Моё почтение, уважаемая.

Анна. Ф-фу! Посмотрели бы вы на реке – ужас! Мужчины, женщины, совершенно голые...

Богомоллов. Да, да! Как в раю...

Анна. Как в аду... это – вернее!

Сомов *(подвигая стул матери)*. Садись, мама!

Богомоллов. Эх, замечательная водка была в наше время!

Второй акт

У Терентьева. Тожже новенькая дача с небольшой террасой, на террасу выходит дверь и два окна; с неё до земли четыре ступени. Сад: четыре молодые ёлки, они – полузасохли; под каждой – клумба для цветов, но – цветов нет, клумбы заросли травой. Две окрашенные в зелёную краску скамьи со спинками. У забора – кегельбан, начинается он небольшим помещением, в котором стоит койка, стол, два стула. В двери и окнах мелькает фигура Людмилы, племянницы Терентьева. На террасе играют в шахматы Китаев и Семиков.

Китаев. Не видишь? Шах королеве!

Семиков. Ах ты... Скажи пожалуйста!

Китаев. Тебе, Семиков, на шарманке играть, а не в шахматы.

Семиков. Не Семиков, а Семи-оков! В «Известиях» напечатано о перемене фамилии. Семик – языческий праздник, суеверие, – понял?

Китаев. А ты – играй, двигай!

Семиков. Вот я и вставил оник: Семи-о-ков! Пустой кружочек, а – облагораживает.

Китаев. Да ты – играй! Ну, куда полез? Шах королю!

Семиков. Какой несчастный случай!

Китаев. Ну тебя к чертям! Неинтересно с тобой.

(Закуривает. Вышла Людмила, взяла стул, ушла. Оба смотрят вслед ей, потом друг на друга. Семиков складывает шахматы в ящик. Доносится пение скрипки.)

Семиков. И под стихами приятно подписать: Семи-
ОКОВ.

Китаев. А всё-таки как ловко ни играй на скрипке, – гармонь преобладает её.

Семиков. Теперь стихи легко у меня текут.

Китаев. Как слюни. Я, брат, творчество твоё – не люблю, жидковато оно.

Семиков. Ты не понимаешь, а Троеруков...

Китаев. Он тебя хвалит, потому что – запуганный интеллигент. Хотя – башковатая личность... Правильно говорит: конечно, говорит, существует масса, но – без героев история прекращается. Это – верно: ежели я себя не чувствую героем, так меня вроде как и нет совсем. Тут можно дать такой пример: построили судно, так допустите его плавать, а ежели оно всё на якоре стоит, – так на кой чёрт его нужно?

Семиков. Да, это верно!

Китаев. Или пошлют человека в болото – плавай! А – куда по болоту поплывёшь? Вот, примерно, я...

Людмила. Китаев, ну-ка поди сюда, помоги.

[Китаев уходит.]

(Семиков вынул книжку из кармана, читает, шевелит губами.)

[Входит Миша.]

Миша. Ты чего тут делаешь?

Семиков. В шахматы играл.

Миша. Спевка – здесь, в семь?

Семиков. Да.

Миша. Арсеньеву – не видал?

Семиков. Была, занавес чинить ушла.

Миша. Стихи читать будешь?

Семиков. Могу.

Миша. Старые?

(Людмила в дверях.)

Семиков. Нет, вчера написал:

Года за годами бегут,
А людям жить всё трудней,
И я понять не могу
Бешеный бег наших дней.
Куда они мчатся, куда?

Миша. Ну, ты это брось! Кому интересно, чего ты не понимаешь?

Людмила. Как это, Ванечка, в башке у тебя заводятся такие скушные слова? Пахнида какая-то...

Семиков. Говорят – «панихида», а не «пахнида».

Людмила. Ну – ладно, сойдёт и пахнида! Сбегай-ко в клуб, там, наверное, дядя, скажи – обед давно готов. И Арсеньеву зови, если она там... *(Семиков обижен, уходит. Люд-*

мила садится на стул.) Знаешь, как Саша Осипов прозвал его? Стихокрад; он, говорит, чужие стихи ворует, жуёт их и отрыгает жвачку, как телёнок. Ой, Мишка, надоело мне хозяйничать! Учиться хочу, а – как быть? Уговариваю дядю – женился бы! А я – в Москву, учиться! Ежели здесь останусь – замуж выскочу, как из окна в крапиву.

Миша (*солидно*). Замуж тебе – рано!

Людмила. Много ты понимаешь в этом! Не бойся, за тебя не пойду.

Миша. Да я бы и не взял эдакую...

Людмила. Ох, ты... барашек! Нет, серьёзно, Мишка, ты – умный, ты послушай: дядю оставить на чужого человека – тоже не годится, работает он, как пятеро хороших, пить-есть ему – некогда, обшить, обмыть его – некому, о себе подумать – не умеет.

Миша. Ты с Арсеньевой посоветуйся...

Людмила. Советовалась. Она решает просто – учиться! А мне дядю-то жалко, он меня на ноги поставил. Начала от скуки цветы сажать. Ну, – люди из сил выбиваются, а я – цветочки поливаю. Стыдно.

Миша. Да уж... Смешновато.

Людмила. Костю Осипова не видал?

Миша. Нет. Не понимаю, где он увяз? Третьего дня пошёл в Селище, в сельсовет...

[Арсеньева входит.]

Арсеньева. А я вас ищу, Миша! Вот вам парусина, крас-

ка, кисти, лозунги ликбеза, идите-ка, намалюйте их поскорее, получше.

Миша. Дело знакомое. Людка, у тебя – можно?

Людмила. Иди, только не очень пачкай там.

Миша. Ладно. Буду – не очень.

Арсеньева. Почему у тебя мордочка скучная?

Людмила. Всё потому же...

Арсеньева. Слушай-ка, у Сомовых работает кухарка.

Людмила. Знаю, Фёкла, забавная старуха...

Арсеньева. Не нравится ей там. Вот, давай пристроим её к дяде. Человек она хороший, честный и неглупа.

Людмила. Поговорить бы с ней. Кто это?

(Крыжов идёт, осматриваясь.)

Людмила. Вам кого, дедушка?

Крыжов. Иван Терентьев здесь живёт?

Людмила. Здесь.

Крыжов. Ну вот, я к нему. Дочь, что ли?

Людмила. Племянница.

Крыжов. А это – жена?

Людмила. Нет ещё.

Крыжов. Невеста, значит.

Людмила. Тоже нет.

Арсеньева. Знакомая, в гости пришла.

Крыжов. Ну, это ваше дело! Умыться бы мне, девушка, да – испить водицы, а? Запылился старик.

Людмила. Идите сюда.

(*[Людмила и Крыжов уходят.] Арсеньева идёт в кельбан, садится к столу, развязывает узел, в нём – потрепанные флаги, щёлкает ножницами, начинает шить. Идут Дроздов, Терентьев.*)

Дроздов (*угрюмо*). Есть песок в машине, есть!

Терентьев. Старые рабочие очень замечают это.

Дроздов. А откуда песок сыплется – непонятно.

Терентьев. Вот, сегодня должен бы старик один придти, могу сказать, – учитель мой...

Арсеньева. Он уже пришёл.

Терентьев. Ага, Катерина Ивановна! Рад.

Дроздов. Я тоже рад.

Терентьев. Он – в горницах, старик?

Арсеньева. Да.

[Терентьев уходит.]

Дроздов. Мы с вами, Катерина Ивановна, встречаемся всегда в хорошие дни.

Арсеньева. Это вы – о погоде?

Дроздов. О ней. Не помню, чтобы встречал вас в дождь, в пасмурный день!

Арсеньева. Редко встречаемся мы.

Дроздов. Значит – надобно встречаться чаще, – верно?

Арсеньева (*смеясь*). Ловкий вы...

Дроздов. Ничего, парнишка – не промах! И всегда, встречая вас, я чувствую...

Арсеньева. Зависимость погоды от моей личности, да?

Дроздов. Вот – именно! Благодарить вас хочется.

Арсеньева. Не беспокойтесь.

Дроздов. Даже – поцеловать готов.

Арсеньева. А я к этому не готова.

Дроздов. Приготовьтесь.

(На террасу вышел Терентьев с куском хлеба в руках, стоит, прислушивается, хмурясь, пятится в дверь.)

Арсеньева. Вам не кажется, что вы немножко нахал?

Дроздов. Нет, не кажется! Есть песенка:

Ты, говорит, нахал, говорит,

Каких, говорит, немало...

Арсеньева. Не продолжайте, дальше – неверно!

(Терентьев исчез.)

Дроздов.

Но, говорит, люблю, говорит,

Тебя, говорит, нахала...

Арсеньева. Борис Ефимович! Вы бы попробовали отнестись ко мне серьёзно, а?

Дроздов. Вы – обиделись?

Арсеньева. Попробуйте! Может быть, это будет более достойно и вас и меня.

Дроздов. Не сердитесь, не надо! Честное слово... у меня к вам – большая симпатия! Работница вы у нас – что надо!

А если я шучу...

Арсеньева. Шутить надобно умеючи, не надоедая. Вы, кажется, у Яропегова шутить учитесь?

Дроздов. Почему – у Яропегова?

Арсеньева. Не идёт это к вам. Человек вы, я знаю, не плохой...

Дроздов (*серьёзно*). А – чем плох Яропегов?

(*Идут Терентьев, Крыжов, за ними Людмила.*)

Людмила. Товарищ дядя! Скажи толком – обедать-то будем?

Терентьев. Отстань! Мы с Борисом закусили, Крыжов – не хочет. Погоди, ещё двое придут...

Людмила. Что ж ты не сказал мне? Ведь не хватит.

Терентьев. Иди к чертям, Людмила! Борис...

Крыжов. Порядка-то у вас нет?

Терентьев. Ну-ко вот послушай, Борис... Давайте, на солнышко.

(*Арсеньева собирает флаги, хочет уйти.*)

Терентьев (*сухо*). Вы не мешаете нам.

Людмила (*Арсеньевой*). Давай помогу.

Крыжов (*набивая трубку*). История, братья-товарищи, такая: приехала к нам, на завод, компания, чтобы, значит, реконструировать, расширить и так и дальше. Завод действительно заслужил этого, ещё до революции износился, и подлечить его давно следовало; мы, старьё, три года этого, как милостыню, просили. Ну, началась работка! Двигается всё

туда-сюда, не торопясь, того – нет, того – не хватает. Командовал старик, моих лет, а раньше – Богомоллов приезжал, тоже старик.

Дроздов. Яков Антонов?

Крыжов. Кто это?

Дроздов. Богомоллов-то?

Крыжов. Не знаю. Детали рассказывать – не буду, а прямо скажу: устроили так, что раньше болванка из кузницы ко мне шла четыре часа, а наладили дело – идёт семь часов. И так и дальше всё. У меня – записано. Я и говорю старикам: как будто чего-то неладно вышло, братья-товарищи? Видим, говорят, однако – может, так и надо.

(Китаев на террасе, мрачно жуёт что-то.)

Крыжов. Всё-таки решили поговорить с директором, он у нас – литейщик с Лысьвенского завода, партизан, красным командиром был, по армии скучает. «Вот, говорим, Демид, брат-товарищ, какие штуковины наблюдаются». – «Вы, говорит, старики, неправильно считаете, и вообще, говорит, специалист, как паук, своё дело знает». И так и дальше. Успокоил.

(Китаев ушёл, потом вынес бутылку пива, сел, пьёт. Постепенно начинает вслушиваться в рассказ, встаёт, подходит к скамье. Людмила шьёт, тихонько напевая, Арсеньева, не переставая шить, внимательно слушает.)

Крыжов. Успокоил, ну – не меня! Я, погода немного, в завком. Там – тоже успокаивают. Ну, тут я поругался, эх,

говорю, братья-товарищи, так вас и разэдак. Н-да. Погорячился. Какие, говорю, вы хозяева? И так и дальше. Вызывают в ГПУ, там у нас хороший парень сидит, однако и он тоже: «Ты, говорит, товарищ, разлад в работу вносишь!» А молодёжь начала и высмеивать меня. В стенгазету попал. склочник, бузотёр. Н-да. Только рабкор один, комсомолец Костюшка Вязлов, на моей стороне, ну – ему веры нет, он у меня на квартире живёт. Даже внука моя, тоже комсомолка, и та – против. Ну, ладно! Однако я всё считаю, записываю и вижу – нет, моя правда: нехорошо сделано! Стало так туго мне, что огорчился, выпивать начал. Девятнадцать лет сверлил, тридцать четыре на заводе, всё знаю лучше, чем дома у себя. Понял, что дело моё – плохо, пожалуй, и пить привыкну на старости лет. Ну и решил, скрепя сердце рассчитался и – в Москву! Вдруг тебя, Иван, вижу на станции. И вот я вам, братья-товарищи, прямо говорю: там дело нечисто, повреждённое дело! У меня кетрадка есть, в ней сосчитано всё, все часы, вся волокита...

Дроздов. Можно взглянуть?

Крыжов. На то и писано, чтоб читали. Разберёшь ли? Писатель я – не Демьян... победнее его буду...

Дроздов. Разберу.

Крыжов (*Арсеньевой*). Ты что глядишь на меня? Понравился?

Арсеньева. Очень.

Крыжов (*толкая Терентьева локтем*). Слыхал? Хо-хо!

Вон оно что! У меня дочь старше тебя, только – дурой выросла. Ребят – родит, а – больше ничего не умеет. Вот внука, так эта – что надо! В Свердловск поехала, учиться. Ты – партийка?

Арсеньева. Нет.

Крыжов. А чего делаешь?

Арсеньева. Ребят учу.

Дроздов. Иван!

Крыжов. Вам, молодым, надобно в партию записываться, круче дела-то погибать. Я вот ехал сюда – горой, водой, лесом, парусом, – как говорится, гляжу: тут – строят, там – строят, инде – выстроили, ух ты, мать честная! Бойко взяли за дело, крепко! Конечно, я и по докладам, по газетам знал, ну, а когда своим глазом видишь, это уж другой номер!

(Дроздов и Терентьев, сидя на другой скамье, рассматривают книжку.)

Терентьев. Склочником он не был.

Дроздов. Да, не похож! А цифры – нехорошо поют.

Китаев. А ты – в партии?

Крыжов. Я – нет. Мне – не надо, я и без того – природный пролетар. До Октября, до Ленина, я даже и понимать не хотел партию. Думал – так это, молодёжь языки чешет. И дело у меня – строгое, требует всех сил. А заседать я – не мастер, да и грамотой не богат. Года три тому назад хотели меня в герои труда произвести, ну – я чинов-званий не любитель, упросил, чтобы не трогали.

Китаев. Это – напрасно! Коллектив знает, что делает, ему герой – нужен...

Крыжов. Герой, голова с дырой...

Дроздов. Видишь?

(Терентьев молча кивает головой.)

Дроздов. Зови-ко его в комнаты.

Китаев. Куда же ты едешь?

Крыжов. Вот сюда приехал.

Людмила. Что же обедать – завтра будем? Никто не идёт.

Терентьев. Отвяжись! Подь-ка сюда, Крыжов.

Крыжов *(идя)*. Порядка у тебя, видать, нет насчёт обеда-то? Остался ты, видно, как был, – беспорядочный, а? *(Хлопает Терентьева ладонью по спине.)* Приятно мне, что встретились!

Людмила *(около Арсеньевой)*. Бестолочь какая! И так – почти каждый день.

Арсеньева. Какой интересный старик!

Людмила. Молодые – интереснее. Дроздов, например, а? Замечаешь, как он присматривается к тебе?

Арсеньева. У него такая служба...

Людмила. Обыкновенная – мужская. А мне инженер нравится.

Арсеньева. Который?

Людмила. Яропегов, конечно! Он в клубе читал лекцию по истории земли, по металлам, – интересно! Весёлый, чёрт!

Арсеньева. Что ж он – ухаживает за тобой?

Людмила. Заговаривает. Смешит. Я – люблю весёлых!

Арсеньева. Ты бы лучше со своим с кем-нибудь веселилась.

Людмила (*вздыхая*). Свои, свои... Вон Китаев просит записаться с ним.

Арсеньева. Неприятный парень.

Дроздов (*с террасы*). Катерина Ивановна! Можно вас на минутку?

(*Арсеньева идёт.*)

Дроздов. Помогите нам расчётец сделать – ладно? Папироску хотите?

Арсеньева. Не курю. Бросила.

Дроздов. Отчего?

Арсеньева. Ребятам дурной пример.

Дроздов. Резонно.

(*Ушли. Людмила шьёт.*)

Китаев. Скушно по воскресеньям!

Людмила. Тебе и в будни скучно.

Китаев. Так – как же? Сходим, запишемся, а?

Людмила. От скуки?

Китаев. Зачем – от скуки? От любви.

Людмила. У тебя на пиджаке – капуста.

Китаев. Капусту я не ел.

Людмила. Ну, тогда что-нибудь из носу.

Китаев. Ты очень грубая барышня.

Людмила. Вот видишь! А приглашаешь меня в загс.

(Силантьев стоит за углом террасы.)

Китаев. Потому что влюбился. От любви и скучаю.

Людмила. А что чувствуют, когда влюбляются?

Китаев. Это – в зависимости от девушки.

Людмила. Всё-таки?

Китаев. Ну... примерно, как в опере «Деймон» – желаю видеть вечной подругой жизни...

Людмила. А – она?

Китаев. Она, конечно, смеётся. Любовь – дело весёлое, игристое дело!

Людмила. Ух, какой ты глупый, даже страшно!.. *(Убежала.)*

Силантьев *[входит]*. Здравствуйте, товарищ Китаев! Я – к вам.

Китаев. Ну?

Силантьев. Доски у меня взяли, те самые...

Китаев. Кто взял?

Силантьев. Мишка-комсомол.

Китаев. Так просто – пришёл и взял?

Силантьев. Нет, конечно, за деньги, только он платиться стесняется.

Китаев. Почему?

Силантьев. Нету денег у него, погоди, говорит! А мне нужно, я – бедный человек...

Китаев. Ты – не человек, а кулак.

Силантьев. Какой же я кулак? У кулака пальцы сжаты,

а у меня – вот они – растопырены, потому – держать мне нечего.

Китаев. От тебя водкой пахнет.

Силантьев. Ну, так что? Водку и немец пьёт.

Китаев. Немец – пиво! У тебя в кармане бутылка.

Силантьев. Она мне не мешает.

Китаев. Ну, ступай! Доски меня не касаются.

Силантьев. Так ведь вы заведуете клубом и всем этим... устройством. Ведь я вам за них...

Китаев. Ступай, ступай! Доски получишь... Водку пьёте, черти...

Силантьев. Эх, трудно с вами, товарищи! Не деловой вы народ! (*Уходит.*)

(Троеруков навстречу; мимоходом – перешёптываются. Крыжов вышел с бутылкой нарзана, прошёл в кегельбан, прилёг на койку, курит.)

Китаев. Устал, старик?

Крыжов. Есть немножко.

Китаев. Что там у вас, – вредители работают?

(Крыжов не отвечает.)

Китаев. Много вокруг нас чужого народа.

Крыжов. Выметем.

(Троеруков смотрит на часы, щёлкнул крышкой.)

Китаев. А, учитель! Ты – что?

Троеруков. Спевка у меня.

Китаев. Почему – здесь?

Троеруков. Эстрада не готова.

Китаев (*щёлкнув пальцем по бутылке нарзана*). Аш два о! – Вода, значит. (*Отводит Троерукова в сторону.*) Стишки мои прочитал?

Троеруков. Как же...

Китаев. Ну – что?

Троеруков. Правду сказать?

Китаев. Обязательно!

Троеруков. Стишки – дрянь, но – от души.

Китаев. То есть – как это?

Троеруков. Очень просто, вы – не обижайтесь, товарищ Христофор. По форме они – дрянь, но по искренности – неплохи.

(*Китаев мычит.*)

Троеруков. Видите ли: одно дело слова, другое – мелодия. Мелодия – подлинная песня души, то есть – самое настоящее, самая глубокая правда человека, – ваша правда...

Китаев. Угу! Да...

Троеруков (*оглядываясь, вполголоса*). Например – «Интернационал» можно петь церковно, на третий глас, на шестой. (*Поёт.*)

Отречёмся от старого мира.

Китаев (*удивлён*). Ах, чёрт! В самом деле. Это – смешно...

Троеруков. И многие, когда поют «Интернационал», так не отрекаются от старого мира, а взывают к воскресению его; новый-то им уже надоел, понимаете...

Китаев. Верно! Поют некоторые! Ах ты, щучий сын! За-мечашь!

Троеруков. Теперь, возвращаясь к вашим стишкам...

Китаев. Ты смотри, никому не говори, что я сочиняю!

Троеруков. Я – помню! Ни-ни, никому! Так вот, стишки... В чём их недостаток? В том, товарищ Христофор, что вы взялись не за своё дело. По натуре вашей, вы – разрушитель, вам разрушать надо, а вы – строите и воспеваете стройку, казённое, не ваше дело. Поэтому слова не совпадают у вас с мелодией души, с настоящей вашей правдой, – вашей! Понимаете?

Китаев. Верно! Ей-богу, это – верно! Ах, чёрт! Действительно... Я и сам чувствую – не идёт у меня! Не то пишу!

Троеруков. Вот видите!

Китаев (*воодушевляясь*). Ты – сам посуди: я – кто? Боец! Партизан. Я в армию пошёл, потому что – конюх, смолоду лошадей люблю, скакать люблю. У меня – натура есть, понимаешь! А меня мотали, мотали да – вот, наблюдай, как посёлок строят!

Троеруков. Ну да!

Китаев. Я, бывало... Да я... поголовно истреблял... как собака тараканов! Хлеба не давать? Так я ж их поголовно! Как в сказке: ахну, и – нет ничего, только пыль, брызг и сапо-

ги! Вы – кто? Помещики, дворянство, буржуазия или просто – люди? Да я вас так, что от всей вашей массы только одни уши останутся... А теперь вот...

Троеруков. Время не для вас, не для героев!

Китаев. Понимаешь? Теперь я – кто?

Дроздов (*вышел на террасу, оглянулся, идёт в сторону Крыжова, мимоходом*). В самом деле, товарищ Китаев, вспомни-ко, – кто ты...

Китаев. Я помню!

Дроздов. Не забывай. (*Троерукову.*) Вы что тут?

Троеруков. Спевка будет здесь.

(*Китаев и Троеруков скрываются за углом дачи. Дроздов, посмотрев на Крыжова, идёт к террасе. Встречу ему Терентьев.*)

Терентьев. Ну, что он?

Дроздов. Спит.

Терентьев. Значит: решили – завтра в Москву его?

Дроздов. Ну да. Ты Китаева хорошо знаешь?

Терентьев. Вовсе не знаю. Он сюда недавно прислан.

Дроздов. Дурак он, кажется.

Терентьев. А что?

Дроздов. Чего он возится с этим учителем пения?

Терентьев. Учитель-то, похоже, полуумный. Кстати,

Дроздов, ты за Арсеньевой ухаживаешь...

Дроздов. А кому это вредно?

Терентьев. Ты ведь это так, для развлечения...

Дроздов (*усмехнулся, напевает*).

Эх ты, моя белая,
Что ты со мной сделала?

Терентьев. Погоди, я – серьёзно! Она мне вроде как бы жизнь спасла...

Дроздов. Рассказывал ты. Тогда они ещё плохо понимали нас, потому, изредка, и спасали. Если ты серьёзно, так – гляди, не ошибись...

Терентьев. Я, брат, года три бредил о ней... даже вот не женился. Может быть, это достойно смеха... Ты, конечно, моложе меня, красивый.

Дроздов. Ну, ладно...

Терентьев. Так что... вот! Понимаешь эту штуку?

Дроздов. Ладно, понял. Человек она как будто хороший, работница на все руки...

Терентьев. Образованная.

Дроздов. Всё это так! Но не нравится мне приятель её, этот учитель пения, малосольная морда.

Терентьев. Он ей – не приятель, и говорит она о нём – нехорошо.

Дроздов. А что – нехорошо?

Терентьев. Ты лучше сам спроси её.

Дроздов. Мы живём среди хитрого народа, словам надо верить осторожно.

(Людмила вышла, ставит на стол две бутылки пива, стаканы.)

Людмила. Вы что же – откупорили бутылки, а – не пьёте? Испортится.

Терентьев. Это – да!

Дроздов. Вчера у Сомова был большой буржуазный выпивон и разъедон. Жена его, эдакая – просят руками не трогать – в платье сопливенького цвета. Какая-то толстуха в красном... как мясная туша. Троеруков на скрипке пилил, рояль балабонила. Я шёл мимо около полуночи, эх, думаю...

Терентьев. Пускай веселятся, лишь бы честно работали...

Дроздов. Честно! Сие последнее есть самое главное, как говорил один товарищ у нас в кружке... лет пятнадцать тому назад...

Терентьев. Тебе – сколько?

Дроздов. Тридцать три. Шахтинский процесс...

[Входит Миша.]

Миша. Товарищ Дроздов, – за Селищами раненого нашли...

Людмила. Сашу Осипова?

Миша. Неизвестно ещё...

Дроздов. Почему ты думаешь, что Осипова?

Людмила. Он говорил мне, что грозят избить его...

Дроздов. Кто?

Людмила. Да – не знаю я!

Дроздов. Ну, надо ехать...

Людмила. Наверно, наверно, Сашу Осипова...

Терентьев. Не кричи! Ещё не установлено.

Людмила. У вас – всё не установлено! И кто клуб поджигал, и кто Маше Валовой голову проломил.

Миша. Я – с вами, товарищ Дроздов, – можно?

Китаев (*идёт*). Почему шум?

Людмила. Осипова Сашу избили.

Китаев. Хулиганил, наверно...

Людмила. Врёте!

(*Крыжов проснулся, слушает, набивая трубку.*)

Китаев. Почему – вру?

Людмила. Он про вас в стенгазете писал, вот почему!

Китаев. Кто под пулями гулял, тому стенгазета – муха!

Крыжов. Убили кого-то?

Терентьев. Рабкора ранили.

Крыжов. Эта мода и у нас есть. У нас сразу видно: кто рабкора считает врагом, доносчиком – значит, это чужой человек, не наш.

Людмила. Ай, как хочется мне туда!

Крыжов. На покойника поглядеть?

Людмила. Да – не покойник...

Крыжов (*с упрямством старика*). В покойнике ничего интересного нету. (*Китаеву.*) Дремал я тут, слышал, экую чепуху городил ты, парень!

Китаев. Ты – стар, тебе моих мыслей не понять!

Крыжов. Где понять! Глупость – трудно понять. А этот, который с тобой балагурил, – поп, что ли?

Китаев (*отходит*). Не любишь молодых-то?

Крыжов. Зачем? Молод да умён – два угодя в нём. Осердился. Вот теперь, отдохнув, я бы поел...

Терентьев. Идём.

Людмила. Ну вот, нашли время...

(*Уходят. Китаев пьёт пиво. Появляется Троеруков.*)

Троеруков. Опаздывают певцы.

Китаев. Придут. Петь – не работать, придут!

Троеруков. Вы, товарищ Китаев, шофёром были?

Китаев. Кто тебе сказал?

Троеруков. Не помню.

Китаев. Ну, а если – был, так – что?

Троеруков. Правда, что шофёр так может срезать человека крылышком автомобиля, что никто не заметит?

Китаев (*пристально разглядывая его*). И человек этот – не заметит?

Троеруков. О нём – речи нет.

Китаев. Так. А... зачем ты спрашиваешь?

Троеруков. Чтобы знать. Меня ловкость интересует. И – не верю, что это можно сделать безнаказанно.

Китаев (*не сразу*). Ты – чему учишь? Петь?

Троеруков. Да.

Китаев. Ну и – учи! Автомобиль тебя не касается.

Троеруков. И – хорошо! А то – коснётся крылышком, и

– нет меня!

Китаев (*смотрит на него*). Это... какая же мелодия в башке у тебя?

Троеруков. Это просто любопытство. Вот, начинают собираться наконец! Товарищи! Сильно опаздываете...

(Идут: Дуняша, ещё две девицы, двое рабочих.)

Китаев (*посмотрев на них, берёт бутылку пива*). Предлагаю выпить! Кто – за? Кто – против? Воздержавшихся – нет? Принято единогласно... (*Наливает, пьёт.*)

(*Собрались певцы. Дуняша и Людмила запевают.*)

Вдоль да по речке,
Вдоль да по Казанке
Серый селезень плывёт.

(*Китаев подошёл и тоже поёт. На террасе – Крыжов, хохочет, притопывая ногой. Терентьев, Арсеньева, глядя на него, тоже смеются.*)

Китаев. Эх, мать честная! Здорово, ребята! (*Кричит.*)

А мы его по макушке
Бац, бац, бац!

Третий акт

У Сомовых. Та же терраса. Поздний вечер. Луна. Лидия – в кресле. Яропегов – шагает мимо неё.

Яропегов. Допустим, что ты говоришь правильно...

Лидия. Говори мне – вы! Тут свекровь ходит.

Яропегов. Несёт дозорную службу.

Лидия. И вообще – довольно! Всегда говори со мной на вы!

Яропегов. Слушаю. Итак – допустим, что ты – пардон, вы – рассуждаете правильно. Но у меня другой рисунок души, и я совершенно не выношу драм.

Лидия. У тебя – нет души.

Яропегов. Решено говорить на вы...

Лидия. Тише!

(Дуняша подаёт Лидии стакан молока.)

Лидия. Спасибо. Теперь вы свободны... Вот у Дуняши – есть душа. Она презирает всех нас.

Яропегов. Разве душа – орган презрения?

Лидия. Орган честных чувств. Дуняша честная с людьми.

Яропегов. Какой-то писатель проповедовал честность с собой. Это что-то вроде собаки, – собаки, которая водит слепого.

Лидия. А вы – не честный.

Яропегов. Спасибо. И – Сомов?

Лидия. Вы – все!

Яропегов (*закуривая*). Виноваты предки. Чёрт их научил избрать местом жительства этот идиотский земной мир! Представьте огромный арбуз, намазанный маслом. Страшно неудобно человеку стоять на нём, – скользишь направо, налево, вперёд, назад.

Лидия. Вы глупо шутите!

Яропегов. Может быть. Но – безобидно.

Лидия. С вами не стоит говорить о серьёзном.

Яропегов. Это – верно, ибо: что есть истина?

Лидия. Я думаю, вы кончите самоубийством.

Яропегов. Н-ну... едва ли!

Лидия. Или – сопьётесь.

Яропегов. Это – возможно.

Лидия. Вы вообще несчастный человек.

Яропегов. Не чувствую себя таковым.

Лидия. Ложь.

Яропегов. Но может случиться, что я пойду к какой-нибудь Дуняше и скажу ей: «Дуня – перевоспитай меня...»

Лидия. Удивительно пошло и лживо.

Яропегов. Напрасно рычите, Лида, я говорю... от души. В эту весну я особенно близко присмотрелся к рабочим, к мужикам. Рабочий довольно быстро перешивает мужичка на свою колодку, и вообще... дьявольски интересно жить в этой среде! Много свирепого, не мало глупого, но всё, что поня-

то, – понято отлично! Чувствовал я себя там... весьма молодо...

Лидия. Не верю я тебе, ни одному слову не верю! (*Идёт к лестнице.*)

Яропегов (*следуя за нею, касается плеча её*). Послушай, – что значит всё это? Откуда, вдруг...

Лидия (*стряхивая его руку*). Не – вдруг! Тупой человек... Я... не знаю... я не могу понять... (*Молча смотрит в лицо ему.*) Скажи мне – в двух словах – что такое фашизм?

Яропегов. В двух словах? Н-ну, это... трудно...

Лидия. Не хочешь сказать, да?

Яропегов (*пожав плечами*). Почему – не хочу? Н-ну... Ты – знаешь: жизнь – борьба, все пожирают друг друга, крупные звери – мелких, мелкие – маленьких. Фашисты – мелкие звери, которым хочется быть крупными, а маленькие зверьки тоже хотят вырасти. Крупный зверь заинтересован в том, чтоб мелкий был жирнее, а мелкий – в том, чтоб маленький жирел. Для этой... доброй цели необходимо... именно то, что существует, то есть полная свобода взаимного пожирания, а для свободы этой необходима частная собственность, – зверячий порядок. Вот большевики и пытаются уничтожить основу зверячьего быта – частную собственность... Понятно?

(*Лидия молча идёт с лестницы.*)

Яропегов (*вздыхнув*). Ничего нового в фашизме – нет, это очень дряхлая и скверненькая катавасия... Зачем понадоби-

лось тебе знать это?

(Ушли. На террасу выходят: Сомов, Богомолов, Изотов. Сомов несёт миску с крушоном, Изотов стаканы. Затем Сомов плотно закрывает дверь и окна в комнату. Богомолов оттирает платком лицо и шею. Изотов – закуривает.)

Богомолов. Дышать нечем.

Изотов. Н-да. Хлеба – горят.

Богомолов. Думаете – неурожай будет?

Изотов. Говорят.

Богомолов. Недурно бы, знаете, а? *(Сомову.)* Мы – одни?

Сомов. Да. Но – кажется – мы переговорили обо всём?

Богомолов. И установлено: оборудование – накапливается, а строительство, понимаете, задерживается, насколько это возможно.

Изотов. Это – как аксиома.

Богомолов. Затем: людей, которым наши планы не ясны...

Изотов. Или – ясны, но – не нравятся...

Богомолов. Или – слишком ясны, – людей этих, понимаете, сдерживать в их стремлении отличиться пред товарищами.

Изотов. Переводить с практической на канцелярскую работу.

Богомолов. И другими, знаете, приёмами. Вообще – сдерживать!

Изотов. Правильно.

Сомов. Нужно ли повторять всё это?

Богомолов. Не мешает, знаете, не мешает. (*Изотову.*) Вы, Дмитрий Павлович, несколько того... понимаете, несколько чрезмерно обнаруживаете ваш пессимизм, тогда как мы должны показывать себя оптимистами, верующими, понимаете, фантазиям товарищей...

Сомов. Они – не глупы, у них есть чутьё. И не всё у них фантазии.

Богомолов. Именно?

Сомов. Разговоры о пятилетке, социалистическое соревнование...

Изотов. Карьером – далеко не ускачут.

Богомолов. Но надо нахлёстывать, знаете, – нахлёстывать! Поощрять фантазии одних, развивать скепсис – других, понимаете... А пессимизм – неуместен в нашем положении.

Изотов. Я не пессимист, но, когда рискуешь головой...

Богомолов (*возбуждается*). Головы, знаете, не имеют особой ценности, ежели они служат для того, чтоб по головам били дикие люди, – да-с! Головы, понимаете, надобно держать выше, чтоб кулак дикаря не доставал до них! Надобно, понимаете, помнить, что руководство промышленным прогрессом страны – в наших руках-с и что генштаб культуры – не в Кремле сидит-с, а – именно в нашей среде должен быть организован, – понимаете! За нас – история, вот что надобно усвоить, – история! Пред нами безграничные воз-

возможности. Довольно адвокатов у власти, власть должна принадлежать нам, инженерам, – понимаете?

Изотов. Да, во Франции адвокаты командовали и командуют бездарно.

Сомов. Командует – капитал...

Богомоллов. Далее вы скажете, что правительство служит промышленникам и так далее, сообразно догматике товарищей. Но – забастовка адвокатов – ничего не может изменить, а если забастовка инженеров? Как вы думаете? То-то! Вы, дорогой, немножко, знаете, заражены нигилизмом Виктора Яропегова.

Изотов. Неприятный мужчина.

Сомов. Он – талантлив.

Богомоллов. Н-но!

Изотов. Ему бы фельетончики писать в газетах товарищей.

Богомоллов. Он, понимаете, как раз из тех, кого надобно сдерживать. Таких, знаете, следует сажать на бумажки, припиливать к бумажкам...

Сомов. Вы забываете, что такие – грамотны и умеют считать...

Богомоллов. Н-ну, мы будем пограмотнее. Мы – похитрее...

Сомов. Тише говорите, здесь – гуляют.

Изотов. В будни-то!

Сомов. За решёткой – дорога к реке. Сегодня снова при-

ходил Лисогонов.

Богомоллов. Был и у меня. Всё спрашивает, когда будет пущена его фабрика.

Изотов. Дрянь фабрика. Старьё.

Богомоллов. Не брезгуйте, не брезгуйте! На неё можно затратить миллиона три. Можно и больше.

Изотов. Ага! Вы – с этой точки зрения? Ну, омерщвлять капитал такими порциями – длинная история!

Богомоллов. Но, между прочим, знаете, и это полезно. Между прочим! Мелочи – незаметны, но туча комаров – одолевает медведя, знаете!

Сомов. У Лисогонова – диабет. Он умрёт скоро, наследников не имеет.

Богомоллов. Найдутся!

Изотов. Сын есть.

Богомоллов. Сын – помер. Диабет, знаете, и у меня есть. Доктора запретили вино, природа – запретила женщин, осталось одно удовольствие – карты...

Сомов. Яропегов идёт.

Изотов. Пьяный?

[Входит **Яропегов.**]

Богомоллов. Ну, нам – пора! Виктор Павлович! Совершили прогулочку под луной?

Яропегов (*выпивши*). Именно. И даже – с девицей.

Богомоллов. С хорошенькой? Счастливец! Вчера я видел вас тоже... кажется, с племянницей директора завода?

Яропегов. Именно с ней.

Богомолов. Демократ вы! Что ж? Мы все – демократы.

Яропегов. Из принципа: «С волками жить, по-волчьи выть».

Богомолов. Всегда он скажет что-нибудь такое, знаете... остренькое! Дивная привычка! Н-ну, пошли! Да, – чуть не забыл! Виктор Павлович, – дорогой! Заключение ваше по поводу изобретения этого молодого человека... как его?

Яропегов. Которого? Кузнецова или Зибера?

Богомолов. Первого. Оптимистическое заключение! Сосчитали вы – неверно. Слишком оптимистично. Уж – простите! Но в комиссии я буду возражать.

Яропегов. Это – ваше право. И – обязанность.

Богомолов. Да, да, – буду против!

Яропегов. Поспорим.

Богомолов. Ну – всех благ!

(Идут. Сомов провожает. Яропегов пьёт крюшон.)

Сомов. Не знаешь, где жена?

Яропегов. На берегу, с Арсеньевой, Терентьевым. Там комсомольцы рыбу неводом ловят.

Сомов. Терентьев, кажется, ухаживает за учительницей?

Яропегов. Мужчины вообще любят ухаживать за женщинами.

Сомов. А ты всё пьёшь?

Яропегов. А я всё пью.

Сомов *(шагая по террасе).* Тебе не кажется, что учитель-

ница эта дурно действует на Лидию?

Яропегов. На неё безделье дурно действует. Ты бы советовал ей заняться чем-нибудь, вот хоть ликвидацией безграмотности.

Сомов. Посоветуй ты...

Яропегов. Я для неё не авторитет. О чём беседовали с Яковым?

Сомов. Так... Вообще о делах.

Яропегов. Сдаётся мне, что он хочет похерить изобретение Кузнецова.

Сомов. Странное подозрение! Какая у него может быть цель?

Яропегов. Удовлетворение злобы.

Сомов. Ты куда?

Яропегов. В гости приглашён, к Троерукову. *(Ушёл.)*

(Сомов ходит по террасе, остановился, прислушивается. Вошёл в комнату, открыл окно. Идут: Терентьев, Лидия, Арсеньева, Миша и Дуняша.)

Терентьев. Мира – нет, Лидия Петровна, мира и не будет до поры, пока весь рабочий народ всемирной массой своей не обрушится на врага.

Лидия. Вы... верите в это?

Терентьев. Ну, ещё бы не верил! Разве это можно – не верить в то, для чего живёшь – работаешь?

Арсеньева. Идите, Миша, выпейте водки...

Миша. Да я – не пью!

Арсеньева. Грудь и ноги разотрите, а то простудитесь.

Миша. Никогда в жизни не простужался...

Дуняша. А ты – иди! Не форси...

Миша. Ух, надоели! Что я – барышня?

[Миша и Дуняша уходят.]

Лидия. Какой славный мальчик!

Терентьев. У нас – сотни тысяч таких козырей. Недавно одного кулаки подстрелили, в правую сторону груди насквозь. В больницу его без сознания привезли, а пришёл в себя – первое слово: «Долго хворать буду?» Он, видите, к приёму на рабфак боится опоздать, – вот в чём штука! Молодёжь у нас отличной продукции. Конечно, есть и брак, так ведь «в семье не без уroda», а семейка-то великовата!

Лидия. Сыро становится. Катя, ты не зайдёшь ко мне?

Арсеньева. Нет. В шесть утра еду в город, надо кое-что приготовить, там районная конференция учителей.

Терентьев. А мне пора к дому. Будьте здоровы!

Лидия. Доброй ночи. Ты – надолго?

Арсеньева. Дней на пять.

Терентьев. Вы, Катерина Ивановна, штучку эту разберёте мне?

Арсеньева. Да. Я уже сделала это.

Терентьев. Отлично!

[Арсеньева и Терентьев уходят.]

(Лидия села на скамью у террасы, вынула папиросу, но, изломав её, швырнула прочь.)

Сомов (*через перила*). Сыровато, ты бы шла домой.

Лидия. Принеси мне шаль.

(*Идут Анна Сомова, Титова.*)

Титова. Ведь они – как действуют? Тут у одного мужика, вдовца, дочь заболела...

Анна. Да, да, у Силантьева, знаю!

Титова. Так они её просто похитили и увезли – будто бы в санаторию...

Анна. Ужас!

Титова. Положим, она – комсомолка.

Анна. Полный произвол... Это вы, Лидия?

Лидия. Как видите – я.

Анна. Николай – дома?

(*Сомов бросает шаль из окна.*)

Титова. Здравствуйте, строжайший человек!

Сомов. Моё почтение.

Анна. Пойдёмте ко мне, сыграем.

Титова. С удовольствием. Чайком угостите?

Анна. Конечно, если горничная соблаговолит. Вы знаете, мы зависим от прислуги...

[*Анна и Титова уходят.*]

Сомов (*жене*). Иди сюда, упрямая! Сыро же! (*Лидия идёт. Сомов – встречается её на террасе, обнял.*) Ты была с Терентьевым и Арсеньевой? Добродушный мужик. Что он говорил?

Лидия. Так много, что половины я не поняла, а другую

не помню. Там Дуняша и его племянница пели – «Потеряла я колечко», – смешные слова, но очень грустили песня.

Сомов. Глупая песня. А что такое эта Арсеньева – в конце концов?

Лидия. Она удивительно просто и веско говорит – «да!» И «нет» – тоже веско.

Сомов. Ну, это ты что-то из забытых пьес Ибсена! Скажи, ты не чувствуешь, что она плохо влияет на тебя?

Лидия. Плохо? Почему?

Сомов. Ну... Наводит грустные мысли – и вообще...

Лидия. Нет, я этого не чувствую. А грустные мысли... Вот зеркало наводит их на меня.

Сомов. Это – чепуха. Ты нисколько не изменилась, даже стала красивее.

Лидия. Спасибо! Но мне кажется, что «потеряла я колечко...»

Сомов. И это – чепуха. Я тебя люблю не меньше. Я очень люблю тебя.

Лидия. Я – не о любви, а о том колечке, которое связывает с жизнью...

Сомов. Ну, вот! Вот это – несомненно от Арсеньевой...

Лидия. Как... торопливо ты сказал, что очень любишь меня.

Сомов. Ох, ты опять впадаешь в этот твой новый тон! Знала бы ты, как это неуместно! Нет, тебя необходимо поскорее отправить за границу. Я думаю сделать это осенью...

Лидия. А я – хочу за границу?

Сомов. Это тебя развлечёт. Даже если и не хочешь – нужно ехать. Это удобнее.

Лидия. Для кого?

Сомов. Для тебя. Я же говорил тебе, что возможны крупные события. Это – между нами, и ты, пожалуйста, не открывай на эту тему с учительницей...

Лидия. А – на другие темы?

Сомов. Вообще я прошу тебя держаться с ней осторожно, особенно в тех случаях, если она начнёт что-нибудь выспрашивать. Она выспрашивает?

Лидия. Она рассказывает, выспрашиваю я.

Сомов. О чём?

Лидия. О пионерах, комсомольцах, о ликвидации безграмотности...

Сомов. Тебе это интересно?

Лидия. Я не понимаю – какие радости находит в этом молодая, красивая женщина? Арсеньева – находит.

Сомов. Это – радость нищих духом, Лида.

Лидия. А я – не нищая?

Сомов. Что за вопрос? Конечно – нет!

Лидия. Приятно знать. Но – каким скучным голосом сказал ты это!

Сомов. Оставь этот... нелепый тон!

Анна (из комнат). Коля, ты не помнишь кличку собаки вице-губернатора?..

Сомов. Что такое?

Анна [*входит*]. Ах, прости! Как ты кричишь! Я забыла кличку собаки Туманова, которую ты так любил.

Сомов. Джальма! Джальма...

Анна. Мерси. Вы, кажется, ссоритесь?

Сомов. Ничуть. С чего ты взяла?

Анна. Очень рада, если ошибаюсь. Вы оба так нервничаете последнее время. Это – нездорово. (*Ушла.*)

(*Сомов сердито закуривает.*)

Лидия. Продолжай.

Сомов. Да. Так вот – неизбежны крупные события...

Лидия. Война?

Сомов. Может быть...

Лидия. И – снова революция?

Сомов. Почему – революция? Переворот, хочешь ты сказать...

Лидия. Ну да, – революция назад. Контрреволюция?

Сомов. Это пустое слово – контрреволюция. Я говорил тебе: жизнь – борьба за власть... за прогресс, культуру...

Лидия. Да, да, я помню. Ты говорил это, когда мы были близки...

Сомов. Не выдумывай! Ты мне всё так же близка.

Лидия. В спальне.

Сомов. Ты хочешь понять меня?

Лидия. О, давно хочу!

Сомов. Ну, так – пойми! Рабочие захватили власть, но –

они не умеют хозяйничать. Их партия разваливается, массы не понимают её задач, крестьянство – против рабочих. Вообще – диктатура рабочих, социализм – это фантастика, иллюзии, – иллюзии, которые невольно работой нашей поддерживаем мы, интеллигенты. Мы – единственная сила, которая умеет, может работать и должна строить государство по-европейски, – могучее, промышленное государство на основах вековой культуры. Ты – слушаешь?

Лидия. Конечно.

Сомов. Власть – не по силам слесарям, малярам, ткачам, её должны взять учёные, инженеры. Жизнь требует не маляров, а – героев. Понимаешь?

Лидия. Это – фашизм?

Сомов. Кто тебе сказал? Это... государственный социализм.

Лидия. Фашизм – это когда у власти маленькие звери, чтоб ими питались крупные? Нужно, чтоб мелкие звери были жирные?..

Сомов. Что за чепуха! Откуда это?

Лидия. Виктор сказал.

Сомов. Виктор? Чёрт... Но – ты же видишь: он – человек пьяный, он морально разрушается, он уже ничего не понимает в действительности...

Лидия. Ты – крупный?

Сомов. Что?

Лидия. Ты – крупный зверь?

Сомов. Послушай, Лидия, – что ты говоришь? Что с тобой?

Лидия. Я – не знаю. Как ты побледнел, и какие злые глаза у тебя...

Сомов. Я спрашиваю... Я должен знать – что с тобой?

Лидия. Я – сказала: не знаю. Но мне кажется, что ты... двоедушен и что этот противный старик, и волосатый Изотов, и горбун – вы все двоедушные... Подожди, не хватай меня. Я должна бы говорить иначе, но у меня нет сильных слов, нет сильных чувств.

Сомов. Ты становишься истеричкой – вот что! Это – потому, что у тебя нет детей.

Лидия. Детей не хочешь ты...

Сомов. И потому, что ты уже не любишь меня... я – знаю!

Лидия. Ничего не знаешь! Ни-че-го! Всегда бывает так: когда я говорю с тобой как с человеком – ты ведёшь меня в спальню.

Сомов. Неправда!

Лидия. И во всех романах – так: она заговорила с ним как с другом, а он сказал: раздевайся!..

Сомов. Стой, Лидия! Довольно! Слушай и – пойми. Ты... не глупа, ты должна понять. Молчи!.. Я двоедушен? Да! Иначе – нельзя! Невозможно жить иначе, преследуя ту великую цель, которую я поставил пред собой. Я – это я! Я – человек, уверенный в своей силе, в своём назначении. Я – из племени победителей...

Лидия. Крупный зверь?

Сомов. Роль побеждённого, роль пленника – не моя роль!

Богомоллов – старый идиот...

Лидия. Ты хочешь быть вождём, Наполеоном? Очень крупным?

Сомов. К чёрту...

Лидия. Не кричи...

Сомов. Лидия! То, что ты сказала, имеет для меня... огромное значение... Тебе надули в уши... Тебя хотят сделать врагом твоего мужа...

Лидия. Нет, Николай, ты – не крупный...

Сомов. Не смей шутить!

Лидия. Да – не кричи же!

Сомов. Ты должна подумать... Может быть, эта Арсеньева...

Лидия. Тише! Кто-то идёт...

(Пение за сценой. Оба слушают. Сомов закуривает папиросу, дрожат руки. Он отходит от жены, глядя на неё изумлённо и тревожно.)

Сомов. Как могло случиться, Лидия, что ты, вдруг...

(Слышно, что поют двое, Яропегов и Троеруков, на голос «Интернационала».)

Любовь считал он чистым вздором,

Тра-та-та-та! Тра-та-та-та-а!

Вдруг пред его учёным взором

Она предстала как мечта.

Сомов. Вот – слышишь? Вот – Виктор...

(Яропегов, Троеруков, за ними – Лисогонов, все трое сильно выпивши.)

Яропегов. Чета супругов при луне... Учитель – катай!

Троеруков. О, как завидно это мне!

(Лисогонов, пытаясь подняться, сел на лестнице.)

Яропегов. Браво, каналья! Лидочка – извини! Благодаря бога мы – выпили! Мы так весело выпили, что... вообще... выпили! Учитель истории... композитор – пой! На третий глас! Никола, слушай! Учитель – раз-два!

Троеруков.

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног.

Сомов. Прошу прекратить!.. Виктор – ты понимаешь...

Яропегов. Ни черта не понимаю! Страшно рад! Не хочу понимать!

Лидия *(смеясь)*. Виктор! Вы с ума сошли!

Яропегов. Вот именно! Страшно рад. И почему нельзя петь? Разве кто-нибудь дрыхнет?

Сомов. Я прошу тебя...

Троеруков. Простите... Позвольте мне объяснить, я – учитель пения, пре-пода-ватель! Я говорю молодёжи: слова – чепуха! Смысл всегда в мелодии, в основной музыке души, в милой старинной музыке... бессмертной...

Яропегов (*Сомовым*). Это он – ловко! Это – не без ума! Это, брат, такая ракалья...

Троеруков. Хорошо, говорю я, церковь мы ликвидируем, но идея церковности, соборности, стадности... она – жива! (*Смеётся.*) Жива! Я учу владеть голосами... го-ло-совать. Голое – совать, совать голое слово! Я учу молодёжь.

Сомов. Послушайте! Довольно!

Яропегов. Нет, он – хитрая бестия! Ты – пойми: совать в жизнь пустое, голое слово, а? Замечательно придумал, негодяй! Учитель! Ты – негодяй?

Троеруков. Да!

Яропегов. Видишь – сам понимает! Самосознание, брат... Чёрт знает, как интересно! Лида – интересно?

Лидия. Страшно интересно!

Троеруков. Я – негодяй, да! Я не гожусь в рабы д-дикарей...

(*Лидия хохочет.*)

Сомов (*Троерукову*). Вон отсюда! Пьяный дурак!

(*Анна идёт.*)

Троеруков. Н-нет, не дурак! И – меня нельзя оскорбить...

Анна (*строго*). Господа! Вы слишком шумно веселитесь...

Яропегов. Одолевает радость бытия...

Троеруков. Вот – Анна Николаевна, она знает, что я не оскудел! Троеруков – не оскудел! Он может бороться, он спо-

собен мстить... Его стиснули – он стал крепче! Трагическое веселье, Анна Николаевна. Веселье глубокого отчаяния.

Анна. Я понимаю, но не забывайте, что мы живём в окружении врагов.

Сомов. Я прошу тебя, Виктор, – уведи этого шута!

Яропегов. Слушаю. Я – тоже шут! Беспризорные, за мной! Учитель – шагом марш! Пой.

Троеруков. Я очень прошу...

Яропегов. Никто, брат, ни черта не даст! Пой! (*Поёт.*)

Отречёмся от старого мира
И полезем гуськом под кровать.

Троеруков. Саша Чёрный сочинил, гениальный Саша, талантливейший! Аверченко... Гениальный! «Сатирикон» – а? Где все они, где? Никого нет, ничего! Всё погибло...

Яропегов. Пой, чёртова шляпа! Лисогонов, варёный идиот, – шагай! (*Идут вдвоём, поют в темпе марша.*)

Чёрный, гладкий таракан
Тихо лезет под диван.
От него жена в Париж
Не уедет, нет – шалишь!

Яропегов (*орёт*). Браво!

[*Яропегов и Троеруков уходят.*]

Сомов (*жене*). Пойдём, Лидия...

Лидия. Нет, я не хочу...

Анна. Это – кто? Ах, это – Лисогонов. Вам – плохо?

Лисогонов (*опускаясь на колени*). Дорогие...

Анна. Что с вами? Зачем вы?

Лисогонов. Любимые... Работайте! Покупайте. Снабжайте! Как я буду благодарен вам...

Лидия. Чего он хочет?

Сомов. Просто – пьян! Нам нужно кончить, Лида...

Лидия. Что – кончить? Подожди...

Анна. Встаньте!

Лисогонов. Не могу. Мне – запретили пить, но я – вот... выпил! Тоска! Один! Сын был... Подлец, и негодяй...

Анна. Николай, помоги ему!

Лисогонов. Пошёл служить им... против отца и нар-рода! Издох, как пёс... заездили! От чахотки. Он смолоду был чахоточный. Жена – первая... его мать, дворянка, тоже чахоточная... Вот как! Николай Васильевич... прошу вас Христом богом...

Лидия. Какой гнусный человек!

Анна. Нужно понять: он – страдает!

Лидия (*мужу*). О чём он просит тебя?

Сомов. Ты же видишь, он – пьян!

Лидия. А – трезвый?

Анна. Николай, да помоги же мне...

Сомов. Ну, вы! Вставайте...

Анна. Как грубо! Сведи его с лестницы.

Сомов. Идите... Эх вы...

Лисогонов. Родной мой – фабричку-то, фабричку...
Об... оборудуйте, пора! Везде – строят, всем – покупают...
(*Лидия смеётся.*)

Анна. Какой неуместный, какой жестокий смех! Какая жёсткая душа у вас, Лидия. Люди сходят с ума...

Лидия. Вообразите, что я – тоже... (*Ушла в комнату.*)

Анна (*грозя пальцем вслед ей, бормочет*). Подожди! Смеётся тот, кто смеётся последний.

Сомов (*идёт*). Где Лидия?

Анна. Бедный мой Николая! Какая жизнь...

Сомов (*шипит*). Что вам угодно? Это всё ваши... ваши приятели... (*Убежал в комнаты.*)

Анна. Боже мой... я не узнаю сына. Боже мой...

Четвёртый акт

Там же, у Сомовых. Поздний вечер. На террасе – Семиков, сидит, пишет, шевелит губами, считает, загибая пальцы; рядом с ним на полу – свёрток чертежей. Из комнат выходит с подносом чайной посуды Дуняша.

Дуняша. Ты всё ещё ждёшь, франтик?

Семиков (*бормочет*). К своей какой-то тёмной цели...

Дуняша. Сочиняешь? Ты бы частушки сочинил на Китаева, на дурака.

Семиков. Китаев – грубый, а не дурак.

Дуняша. Ну, много ты понимаешь в дураках! Вот сочини-ка что-нибудь смешное.

Семиков. Я смешное не люблю.

Дуняша (*показав ему язык*). Мэ-э! Тебе и любить-то – нечем. Туда же – не люблю...

(*Лидия вышла.*)

Лидия. Кого это?

Дуняша. Вот – сочинителя. (*Ушла.*)

Семиков. Лидия Петровна, вы эту книжку читали?

Лидия (*взяла книгу*). «Одеяние духовного брака». Нет. Что это значит – духовный брак?

Семиков. Тут – вообще... о боге...

Лидия. Вы верующий?

Семиков. Нет, – зачем же! Но он говорит: хоть не веришь, а – знать надо.

Лидия. Кто это – он?

Семиков. Учитель пения.

Лидия. Он, кажется, чужак? И пьёт?

Семиков. Нет, он очень серьёзный... Образованный. Я в этой книжке ничего не понял. Тут предисловие Метерлинка, так он прямо говорит, что Рейсбрук этот писал пустынными словами.

Лидия. Вот как?

Семиков. Да. Я вот записал: «Созерцание – это знание без образов, и всегда оно выше разума». Это, по-моему, верно. Мысли очень мешают творчеству, сочиняешь и всё думаешь, чтобы хорошо вышло. А он говорит, что хорошо будет, если не думать, а только слушать музыку своей души, тогда и будет поэзия. В жизни – никакой поэзии нет.

Лидия. Это – вы говорите или он?

Семиков. Он. Но он верно говорит, по-моему. Только я никак не могу без образов. Я вот пишу:

И, в облаках погребена,
Чуть светит бледная луна,
И тёмной массой идут ели
К своей какой-то тайной цели.

Лидия. Что же? Кажется, – это не плохо.

Сомов (*выбежал*). Э, голубчик, что же вы пришли, а не

сказали?

Семиков. Я сказал Дуняше...

Сомов. Давайте чертежи... Дуняша! Вы не для Дуняши работаете. Можете идти! Впрочем – подождите!

Лидия. Вы – скоро?

Сомов. Да. Сейчас. (*Ушёл.*)

Семиков. Я выписал ещё вот: «При посредстве разума высказывается многое о начале, которое выше разума. Но постижение этого начала гораздо легче при отсутствии мысли, чем при её посредстве».

Лидия (*рассеянно*). Да...

Семиков. Но – как же без мысли-то? Ведь вот заметно, что и собаки о чём-то думают.

Лидия (*потирая лоб*). Видите ли, Семиков...

Семиков. Я переименовал фамилию, на Семиоков. Так – лучше для творчества. А то – Семиков, Кузнецов, Горшков, – какая тут поэзия?

(*Выходят: Изотов и ещё двое, один – толстый, другой – сутулый; они прощаются с Лидией почтительно и молча.*)

Изотов. Могу прислать вам масла.

Лидия. Спасибо, у нас есть...

Изотов. Анна Николаевна сказала – нет. А мёд – есть? Могу прислать. Отличный мёд!

Лидия. Я спрошу свекровь.

Изотов. Имейте в виду: товарищи организуют пищевой голод...

(Лидия указывает глазами на Семикова.)

Изотов. Я, конечно, подразумеваю мужика, он сам всё ест. Он рассердился на город и ест масло, яйца, мясо – всё ест! Дразнит нас, скотина. Вы, дескать, хотите без мужика жить? Гвоздей, ситца не даёте? Так я тоже ни зерна не дам! Хо-хо! Ну, до свидания!

Лидия. В город?

Изотов. Нет, мы здесь ночуем, у Богомолова. Винтить будем. Старик у нас – азартнейший винтёр. Его – маслом не корми, но – обязательно – винт! Всех благ!

Лидия. Вы сегодня весёлый.

Изотов. Дела идут хорошо. Отлично идут дела! *(Ушёл.)*

Семиков. О рыбах я тоже выписал...

Лидия. Что? О рыбах?

Семиков. О том, что чешуя у рыб – разная и что люди тоже не могут быть одинаковы. Но ведь чешуя-то – одёжа, вроде пиджака или толстовки...

(Сомов, Богомолов.)

Сомов. Слушайте-ка, голубчик, вы небрежно работаете! Напутали там чёрт знает как! Можете идти.

(Семиков быстро исчезает.)

Богомолов. Чистенький какой парнишка...

Сомов. Глуповат. Стихи пишет, ну и...

Богомолов. В его возрасте глупость, знаете, только украшает...

Лидия. Чаю выпьете?

Богомолов. Нет, спасибо! Н-да, молодёжь... Большой вопрос. Конечно, она получит право носить брюки и галстуки каких угодно цветов, н-но многие потребуют столыпинских галстуков, а?

Лидия. Вы очень... мрачно шутите...

Богомолов. Живём в эпоху мрачных шуток-с! Да, кстати: Яропегов – писал вам?

Сомов. Один раз.

Богомолов. Ну, как он? Поправился?

Сомов. Вероятно.

Богомолов. Странный случай, а? Ну, я удаляюсь! Старик, болтлив стал... Доброй ночи! (*Идёт.*)

Дуняша [*входит*]. Самовар подать?

Лидия. Да. Пожалуйста. Кто это ходит там?

Дуняша. Катерина Ивановна с Фёклой. [*Уходит.*]

Лидия (*зовёт*). Катя, иди чай пить...

Арсеньева. Спасибо. Минут через десять.

[*Арсеньева и Фёкла уходят.*]

Сомов (*проводив Богомолова*). Зачем ты позвала её?

Лидия. Чай пить.

Сомов. Ты как будто избегаешь оставаться глаз на глаз со мною после той истерической сцены...

Лидия. Мы условились не вспоминать о ней...

Сомов. Не избегаешь, нет?

Лидия. Как видишь.

Сомов. Должен сознаться, Лида, что всё-таки тот вечер...

очень болезненно ушиб меня! И я продолжаю думать, что эта Арсеньева...

Анна (*входит*). Ты – об Арсеньевой, да? Она хочет быть любовницей увальня Терентьева и, кажется, уже добилась этого, об этом все говорят!

Лидия. Например – Титова.

Анна. Это – пошловатая, но очень умная женщина! Мы, конечно, поставлены в необходимость вести знакомство со всякой швалью, но, Лида, я совершенно отказываюсь понять, что интересного находишь ты в этой сухой, глуповатой учительнице и – возможно – шпионке?

Лидия. Вы всё ещё не оставили надежду воспитать меня?..

Сомов. Продолжая в этом тоне, вы поссоритесь, как всегда.

Лидия. Я никогда ни с кем не ссорюсь.

Анна. Но тебе всё более нравится раздражать меня...

Лидия. Не ссорюсь и начинаю думать, что это один из моих пороков.

Сомов. Довольно, Лида! Вы, мама, тоже...

Анна. Ты лишаешь меня права...

Сомов. Тише! Идёт эта... Куда ты, Лидия?

Лидия. Я пройду с нею к реке.

Сомов. Надеюсь, – не до полуночи?

(*[Лидия уходит.] Дуняша вносит самовар.*)

Анна. Вы, Дуня, сегодня снова устроили в кухне базар...

Дуняша. Что же нам – шёпотом говорить?

Анна. Нет, конечно, но эти ваши... дикие песни!

Дуняша. Кому – дикие, а нам – приятны. Вы – отпускайте меня вовремя, вот и будет тихо. Я работаю не восемь часов, а тринадцать. Это – не закон! (*Ушла.*)

Анна (*заваривая чай*). Разрушается жизнь. Всё разрушается.

(Сомов стоит у перил, смотрит в лес.)

Анна. Как хочешь, Николай, но ты неудачно выбрал жену! Я предупреждала тебя. Такое... своекорыстное и – прости! – ничтожное существо. Ужас! Ужас, Николай... Вообще эта семья Уваровых – морально разложившиеся люди. Отец её был либерал... дядя – тоже, хотя – архиерей. Архиерей – либерал! Ведь это... я не знаю что! И вот теперь ты, такой сильный, умный, талантливый... Боже мой!

Сомов. Вы кончили, да?

Анна. Не так зло, Николай! Не забудь, что говоришь с матерью.

Сомов. Послушайте меня молча, если можете... Я не однажды говорил вам, что в моём положении всякие... пустяки...

Анна. Я надеюсь, что мать – не пустяк?

Сомов. Нет, но она занимается пустяками, которые могут компрометировать меня. Ваше поведение... весьма забавно, но – я не могу относиться к нему юмористически.

Анна. Я не желаю слушать! Ты не имеешь права ограни-

чивать...

Сомов. Не говорите фразами из учебника грамматики...
(*Фёкла идёт.*)

Анна. Что вам нужно?

Фёкла. Спекулянта-то нашего заарестовали, Анна Николаевна...

Анна (*перекрестилась маленьким крестом, почти незаметно*). Вот видишь? Это был честный, разумный человек. Наверное, это ошибка, Фёкла...

Фёкла. Да, ошибся, говорят; доски на стройке воровал, что ли. Это, конечно, его дело, да он сегодня должен был доставить разное для кухни...

Анна. Ну, что же! Найдите другого поставщика... Идите!

Фёкла (*задумчиво*). Тут есть одна баба, тоже кулачиха, да уж очень стерва.

Анна. Прошу не ругаться!

Сомов. От кого вы узнали об аресте?

Фёкла. Мишутка-комсомол сказал.

Анна. Идите, идите... Договоритесь с кем-нибудь...

Фёкла. Ну, хорошо! Я уж с этой... стерлядю. Других-то нету. (*Ушла.*)

Анна. Вот, Николай, как уничтожают людей! Силантьев был влиятельный мужик. Он, рабочий Китаев, Троеруков...

Сомов. Вор, дурак и пьяный шут, но они могут втянуть... могут поставить вас в положение очень глупое...

Анна. За всю мою жизнь я никогда не была в глупом по-

ложении. Ты должен понять, что с тобою говорит не только женщина, которая родила тебя, но – одна из тысяч женщин нашего сословия, оскорблённых, униженных, лишённых права на жизнь, – одна из тысяч!

Сомов. Да, да, хорошо! Я говорил вам... вы знаете, что страна переживает тяжёлый кризис...

Анна. Ты со мной не говоришь, ты мне приказываешь. Со мной говорит Яков Антонович, человек, которого ты должен бы...

Сомов (*изумлён*). Богомоллов? Что же он?

Анна. Я – всё знаю, Николай! Я знаю героическую его работу, его жизнь подвижника, он – святой человек, Николай! А около тебя этот Яропегов, и ты так наивно, так детски доверчив с ним... Яков Антонович – в ужасе! Он боится, что Яропегов предаст и тебя и...

Сомов (*с тихой яростью*). Богомоллов... старый идиот... болтун... мелкий взяточник, вот – Богомоллов! Что он говорил?

Анна. Николай! Ты с ума сходишь!

Сомов (*схватил её за плечи, встряхнул*). Молчите! Это вы сошли с ума! Запру в сумасшедший дом! Понимаете? Не смейте говорить с Яковом! И – ни с кем – слышите? Этого... учителя – не принимать!

Анна. Николай! Что ты делаешь? Опомнись! (*Плачет.*)

Сомов (*оттолкнул её*). Завтра вы переедете в город.

Анна. Ты делаешь дурное дело! Служить большевикам...

ты, которого...

Сомов (*резко поднял её со стула*). Идите к себе. Завтра – в город! Слышите?

Анна. Пусти меня! Пусти... (*Идёт. В двери – оглянулась.*) Ты внушаешь мне страшную мысль, – проклясть тебя!

Сомов. Не разыгрывайте трагикомедии... Довольно! (*[Анна уходит.] Шагает по террасе. Закуривает. Спички ломаются. Остановился, прислушивается. Бросил коробку спичек за перила.*)

Троеруков (*на лестнице, с палкой в руке, прихрамывает*). Добрый вечер.

Сомов. Что вам угодно?

Троеруков. Спички. (*Протягивает коробку.*)

Сомов. Что?

Троеруков. Спички упали.

Сомов. К чёрту! Что – вам – угодно?

Троеруков. Записка от Якова Антоновича.

Сомов (*взял, читает, смотрит на него*). Садитесь. (*Взглянул на записку.*) Ну-с, что же? Богомолов предлагает взять вас на место Семикова... Вы это знаете?

Троеруков. Да.

Сомов. Вы... преподавали историю?

Троеруков. Чистописание, рисование. Невеждам говорю, что преподавал историю.

Сомов. Вот как? (*Не сразу.*) Сидели в тюрьме, да?

Троеруков. Два раза. Четыре месяца и одиннадцать.

Сомов. За убеждения, конечно, да? То есть за болтовню?
(*Троеруков молчит. Смотрят друг на друга.*)

Сомов. Мало. На месте ГПУ я бы вас – в Соловки. Лет на десять.

Троеруков. Вы шутите или оскорбляете?

Сомов. А – как вам кажется?

Троеруков. Кажется – хотите оскорбить.

Сомов. Ну и что же?

Троеруков. Это – напрасно. Я так отшлифован оскорблениями, что от них не ржавею. Вы дадите мне работу?

Сомов. Нет.

Троеруков. Можно спросить – почему?

Сомов. Спросите, но я не отвечу.

Троеруков. До свидания. (*Встал.*) Так и сказать Якову Антоновичу?

Сомов. Так и скажите... Впрочем – постоит! Вы способны говорить откровенно?

Троеруков. Зависит от того – о чём и с кем.

Сомов. О себе. Со мной.

Троеруков. Зачем?

Сомов. Вот как? Таким я вас не представлял. Любопытно. Вы давно знаете Богомолова?

Троеруков. Пять лет.

Сомов. И... что же вы о нём думаете? Можно узнать?

Троеруков. Старый человек, не очень умный, обозлённый и – неосторожный...

(Сомов молча смотрит на него. За террасой голоса Арсеньевой, Лидии.)

Троеруков. Могу уйти?

Сомов. Нет. Пойдёмте-ка ко мне... Вы как будто... человек неглупый, а?

Троеруков. Не имею оснований считать себя дураком.

Сомов. И не плохой актёр?

Троеруков. Все люди – актёры.

(Ушли. Входят женщины.)

Арсеньева. Не знаю, как я могла бы помочь тебе.

Лидия. И я не знаю.

Арсеньева. Уж очень ты слабовольна.

Лидия. Вот это я знаю. Будем пить чай?

Арсеньева. Да. И детей нет.

Лидия. Он – не хочет. Да и – какая я мать?

Арсеньева. Он очень эгоистичен?

Лидия. Он – честолюбив. И – чёрствый. Он вообще... мало похож, – совсем не похож на того человека, каким я видела его до замужества.

Арсеньева. Ты – сильно влюбилась?

Лидия. Да. Впрочем – не знаю. Может быть, я просто хотела скорее выйти замуж. Отец ненавидел революцию, рабочих и всё... И меня тоже. Он стал такой страшный. Мы жили в одной комнате, иногда мне казалось, что он хочет убить меня. Он говорил: «Если б не ты, я бы дрался с ними». Ты помнишь его?

Арсеньева. Смутно.

Лидия. Ночью он молился, рычал: «Господи, покарай, покарай!» Я не могла уснуть, пока он сам не уснёт. Утром проснусь, а он сидит на диване и смотрит на меня – так, что я не могу пошевелиться.

Арсеньева. Разведись, Лида, поживи со мной; у меня есть мальчик, приёмш, беспризорный, удивительно забавный, талантливый.

Лидия. Я такая... дрянь! Знаешь, мне даже противно видеть себя в зеркале. Такое ненавистное, чужое лицо...

Арсеньева (*гладит её плечо, голову*). Перестань.

Лидия. Особенно гадко вспомнить себя... ночью. Он любит, чтоб в спальне горел огонь, понимаешь? Он такой... чувственный и заражает меня. Потом – думаешь: какое несчастье, какой позор быть женщиной!

Арсеньева. Мне очень... грустно с тобой...

Лидия. Грустно? И только?

Арсеньева. Ты была такая... прозрачная, правдивая, так серьёзно училась, думала.

Лидия. А я и тогда вижу себя ничтожной. Теперь стала хуже... глупее, нечестной.

Арсеньева. У меня, Лида, нет... мягких слов, я не умею утешать.

Лидия. Ты всегда была такой.

Арсеньева. Я преданно... искренно люблю людей, которые – вот видишь – строят новую жизнь. И все другие, кроме

их, мне уже непонятны. Я даже и себя, иногда, не понимаю. Мне стыдно вспомнить, что я могла думать и чувствовать иначе, не так, как теперь.

Лидия. Как горячо ты...

Арсеньева. Люди, как Дроздов, Терентьев, действительно – новые люди. Они – в опасном положении, у них гораздо больше врагов, чем друзей.

Лидия. Рабочие так страшно упрощают всё.

Арсеньева. Они упрощают правду...

Лидия. Кто-то идёт?

Яропегов (*в охотничьих сапогах, с двустволкой за плечами, с чемоданом в руке*). Пардон, медам! Я, кажется, втяпался в лирическую сцену? Чай? О, дайте мне скорее чаю! Из оперы «Князь Игорь» – не замечаете?

Арсеньева. Как ваша голова?

Яропегов. Работает – как всегда: гениально!

Лидия. А болит ещё?

Яропегов. Немножко. Скорее – из вежливости, чем по необходимости.

Лидия. Где ты... где вы были?

Яропегов. Чёртова глушь. Шестьдесят три километра от ближайшей станции. Леса. Бурелом, валежник, гниль и вообще все прелести лесов, где никто, кроме лешего, не хозяйничал. Проводят ветку – адова работа, но – весело! Николай дома? (Рассказывая, он снимает ружьё, ставит его в угол; вынул из кармана револьвер, положил его на подоконник, при-

крыл шляпой.)

Лидия. Кажется, вы чем-то встревожены?

Яропегов. И сам себе – зубы заговариваю, – как вы любите выражаться?

Арсеньева. Ну, Лида, я пойду!

Лидия. Посиди ещё немножко.

Яропегов. Это не я спугнул вас?

Арсеньева. О, нет, я не пуглива.

Лидия. Посиди!

Яропегов. А я пойду, взгляну, где Николай. (*Ушёл.*)

Арсеньева. Какой он жизнерадостный.

Лидия. Нет, это только слова у него такие, а он – несчастный и притворяется. Я его знаю. Он чем-то встревожен. Он притворяется, но не умеет. И лгать не умеет.

Арсеньева. Его очень любит молодёжь.

Лидия. Он всегда заговаривает зубы себе и всем. Он был женат на двоюродной сестре мужа, а она ушла с каким-то англичанином в Сибирь и там умерла. У тебя муж – кто был?

Арсеньева. Плохой человек.

Лидия. Тоже?

Арсеньева (*смеясь*). Ах ты... Дитя ты ещё! Муж мой был журналист, после Октябрьской революции он показал себя так, что мы разошлись...

Лидия. Он – где?

Арсеньева. Убит в гражданской войне. Он – белый, корниловец.

Троеруков (*поспешно вышел из комнаты, схватил палку*). Извините! (*Сбежал с лестницы.*)

Лидия. Вот противный человек.

Арсеньева. Да. Очень.

Сомов (*из комнаты*). Лида!

Лидия. Что?

Сомов. На минутку!

Лидия (*ушла, быстро возвращается*). Пойдём ко мне наверх...

Арсеньева. Мне пора домой...

Лидия. Нет, – пойдём! Ты так хорошо говорила со мной сегодня!

Арсеньева. Далеко я живу.

Лидия (*ведёт её*). Да, очень далеко от меня, далеко! Но мне так хочется побыть с тобой.

(*Ушли. Через минуту Сомов – вышел, за ним – Яропегов.*)

Сомов. Здесь удобнее.

Яропегов. Чем? (*Наливает чай.*)

Сомов. Всегда видишь, кто идёт...

Яропегов. Есть такой балет: «Тщетная предосторожность». (*Ожг руку.*) А, чёрт...

Сомов. Ты ничего не говорил жене?

Яропегов. Я вскочил на террасу и при этой учительнице заорал, как мальчишка-газетчик: «Попов приехал из-за границы и на вокзале арестован...»

Сомов (*ходит*). Выхватывая из нашей среды таких, как

он, товарищи обезоруживают себя. В конце концов – всё против них.

Яропегов. Ты думаешь? Гм...

Сомов. Богомоллов будет... встревожен...

Яропегов. Дуреет старик. Загнал фабрику в трущобу, а можно было построить километров на тридцать ближе к путям и на сухом месте. Вообще работу он ведёт не очень грамотно и спустя рукава. Пристыдят его товарищи, когда разберутся. А они скоро начнут понимать, из их среды уже появляются весьма остроумные парни.

Сомов. Не замечаю.

Яропегов. Ты из-за проектов и бумаг людей не видишь. (Пауза.) Напрасно меня выдернули вы из живого дела. На практической работе я чувствовал себя лучше и пил меньше. У вас тут атмосфера низкого давления и какая-то... всё чихать хочется, а чихнуть – некуда.

Сомов. Виктор! Когда автомобиль свалил тебя...

Яропегов. Числа – не помню.

Сомов. Я не об этом. Шофёр не возбуждает у тебя никаких подозрений?

Яропегов. Подозреваю, что он был пьян, идиот. Трезвый не поедет с погашенными фонарями.

Сомов. Странно, что ты не заметил шофёра и кто сидел с ним...

Яропегов. Когда на человека налетает автомобиль, так человек прежде всего замечает машину, затем – столкнове-

ние машины с его брюхом, далее он замечает, что его швырнуло на панель и что башка его неприятно стукнулась о какое-то твёрдое тело. После этого человек утрачивает на некоторое время способность замечать что-либо. А очухавшись, деловито соображает, насколько он испорчен. При всём этом – нет времени знакомиться с шофёром.

Сомов. Это забавно, Виктор, но...

Яропегов. Почему ты вспомнил этот случай?..

Сомов. Видишь ли, ты – извини! Но мне кажется, что автомобиля вообще не было, а просто ты упал...

Яропегов. Будучи в пьяном виде? На этом и согласимся.

Сомов. Тут всё время ищут шофёра, этот... товарищ Дроздов, должно быть, подозревает хулиганство и, может быть...

Яропегов. Мне следует заявить, что это я сам, в пьяном виде, наскочил на автомобиль? Что ж, можно и заявить. Но гражданин, который поставил меня на ноги...

Богомоллов (*идёт поспешно, с зонтиком под мышкой, говорит негромко, задыхаясь, заикается*). Виктор Павлович... Действительно – Попов, а?

Яропегов. Именно – он.

Богомоллов. Странно как, знаете? И – почему, а?

Яропегов. Сие – неизвестно. Что вы – с зонтиком?

Богомоллов. От собак. Я думал – палка. Как же это... случилось?

Яропегов. Очень просто: его встретили люди, которые в

таких случаях встречаются...

Богомоллов. В каких случаях?

Яропеггов. Ну, вот – в этих, когда человека арестовать надо...

Сомов. Не так громко, Виктор...

Богомоллов. Надо? Надо... мотивы иметь!

Яропеггов. Вероятно, у них есть и мотивы.

Богомоллов (*озлобляясь*). Вы шутите! Вы всё шутите...

Яропеггов. Привычка. Свыше мне дана.

Сомов. Яков Антонович, мне надобно сказать вам несколько слов...

Богомоллов. Сейчас, подождите! (*Яропеггову.*) Ну, встретили и... что же?

Яропеггов. И повели.

Богомоллов. Сказали что-нибудь?

Яропеггов. Не слышал.

Богомоллов. Портфель у него? Багаж?

Яропеггов. Да – что я? Багажный кондуктор? Я видел, что Попова любезно ведут, а он... идёт! И это – всё!

Богомоллов. Любезно! Ой, как нехорошо говорите вы! У вас... коллегиального чувства нет-с! Вы... не понимаете – кто арестован! Кто!

Яропеггов. Я сказал: арестован – Попов, вы знаете его, да? Ну, вот. И – чего вы кричите на меня? По какому праву?

Богомоллов. Право старшего товарища... – Иду, Сомов, иду! Не возмущаться такими актами бесправия... (*Сомов*

шепчет в ухо ему.) Да... Иду! Вы извините, Виктор Павлович, но... я – старый человек и – возмущён, знаете! Николай Васильевич – надо сказать Изотову...

Сомов. Да, но мне некого послать...

Богомолов. Подождите... Тут должен быть... *(Кричит.)* Кирик Валентиныч, вы – где? *(Сбежал с лестницы. Из-за деревьев – Троеруков, шепчутся. Яропегов изумлён. Сомов, нахмураясь, следит за ним. Богомолов – возвратился.)* Идёмте! Какие волнения... На старости лет...

[Богомолов и Сомов уходят.]

(Яропегов протёр пальцами глаза, щупает затылок, крутит бородку, бормочет что-то, берёт чемодан, ружьё.)

Фёкла *[входит]*. Здравствуйте, Виктор Павлыч, – приехали?

Яропегов *(как сквозь сон)*. Очевидно... приехал! Как живём, премудрая?

Фёкла. Стряпаю да кормлю, вот и всё житьишко! Денег надобно, а взять не у кого, старшая хозяйка – заперлась, не допускает до себя, молодая – пищей не интересуется... Поправились от ушиба-то?

Яропегов. Вполне. Хоть жениться могу...

Фёкла. Жениться вам – самое полезное дело. И женитесь – на молодой, вы – весёлый, с вами и молодая скучать не станет.

Яропегов *(хочет идти)*. Так я и сделаю...

Фёкла *(собирая посуду со стола)*. А у нас тут всё сканда-

лы, всё аресты. Шпекулянта Силантьева арестовали, Китаева, они, слышь, материал со стройки привыкли красть. Ведь вот такая это дурная привычка – воровать! Ну, Силантьев – пёс его возьми! А рабочему-то воровать не надо бы! Подумал бы: у кого ворует? Сам у себя ворует.

Яропегов (*поставил чемодан на пол*). Правильно! Китаева, говорите, зацапали?

Фёкла. Да, да! И слышно, что будто бы он пьяный хватался, что на человека наехал, – не он ли это на вас?

Яропегов. Не-ет... Мало ли таких... которые наезжают.

Фёкла. Задумчивый вы нынче.

Яропегов. Устал, должно быть.

Фёкла. Ну – отдыхайте, отдыхайте... (*Несёт посуду в комнату.*)

(*Яропегов уступает ей дорогу, а из двери, оттолкнув Фёклу, бежит Богомолов.*)

Богомолов (*задыхаясь*). Нет-с, это невозможно. Я – протестую! Это – ваше дело, а – не моё! Это – ваш план! Возражаю! Это вы... перешагнули за рубеж... географический и разума-с!

Сомов. Разрешите напомнить, что Яропегов не посвящён..!

Богомолов. Не верю-с! Хладнокровием рисуетесь? И в хладнокровие не верю-с! Вот как, Виктор Павлович? Шуточки – шутили? Ловко!

Яропегов. В чём дело, Николай?

Сомов. Как видишь – Яков Антонович в панике.

Богомолов. Я? В панике? Ложь! Я – возмущён. Я – стар, в старости – ничего не боятся! (*Плачуцим голосом.*) В старости... нечего терять... нечего, да!

Яропегов. Ясно, что в этой интимной беседе третий человек – лишний.

Сомов. Давайте обсудим спокойно...

Богомолов. Спокойно? После сказанного вами? Нет, знаете...

Сомов. Вы сделали целый ряд глупостей...

Богомолов. Я? Да – что вы? Вы... Наполеоном себя считаете? Позвольте... чёрт возьми! Это – не пройдёт!

Сомов. Подождите.

Богомолов. Мне ждать от вас нечего...

Сомов. Не от меня... Молчите... Слышите?

Богомолов. Что такое? Что... слышать?

(*Сомов – быстро сунул руки в карманы и – сквозь зубы негромко рычит. Богомолов, выпрямляясь, качается на ногах. На террасу входят четверо агентов ГПУ.*)

Агент (*очень вежливо*). Николай Васильевич Сомов?

Сомов. Это – я.

Агент. Вы арестованы. Выньте руки из карманов. А вы – кто?

Богомолов. Яков... Богомолов. Яков Антонович... Богомолов...

Агент. Вы – тоже арестованы. Здесь живёте, нет?

Богомолов. Я... случайно. То есть – пришёл в гости. Этот арест... явное недоразумение...

Агент. Здесь должен быть ещё... Яропегов, Виктор Павлов.

Яропегов *(в двери)*. Вот он.

Агент. Подлежите аресту и вы.

Яропегов. Неприятно.

Агент *(усмехаясь)*. Никогда не замечал, что этот акт приятен для тех, кого арестуют.

Яропегов. Не замечали? Странно.

Агент *(Сомову)*. Ваш кабинет?

Сомов. Я не держу здесь бумаг.

Агент. Всё равно, мы должны произвести обыск.

Сомов. Пожалуйста. *(Садится на подоконник.)*

Агент. Вы не желаете показать, где ваш кабинет?

Сомов. Вы же будете обыскивать всю дачу, кабинет – в ней. *(Нащупал револьвер под шляпой Яропегова.)*

Агент. Хорошо. При обыске отказываетесь присутствовать? Товарищи, займитесь там. *(Сел к столу, вынимает бумаги из портфеля. Количество агентов постепенно увеличивается.)*

Яропегов *(схватил Сомова за руку)*. Ну, ну, это, брат, не игра! *(Вырывает револьвер.)* И нельзя стрелять, не подняв предохранитель. *(Один из агентов берёт у него оружие.)* Не подумайте, что он хотел стрелять в вас.

Агент *(за столом)*. Нет, мы этого не подумаем, будьте

СПОКОЙНЫ.

(Богомолов – сидит, у него поза человека, который дремлет или крепко задумался. Около Сомова два агента. Яропегов, сидя на перилах, закуривает, наблюдая всех.)

Сомов *(Яропегову)*. Ты... свинья!

Яропегов *(спокойно)*. Потому что не признаю за тобой права самоликвидации? Нет, это их право...

(Из комнат выходят Анна, Арсеньева, Лидия, их сопровождает агент.)

Анна *(на слова Яропегова)*. Что, Николай? Я говорила тебе, я говорила!

Агент. А что, собственно, говорили вы?

Сомов. Это – моя мать... она психически ненормальна.

Анна. Николай! Что ты сказал!

(Богомолов встал и тоже порывается вперёд, хочет сказать что-то, но, махнув рукой на Сомова, снова сел.)

Лидия *(негромко)*. Николай... Это – серьёзно?

Сомов. Не беспокойся.

Лидия. Нет... Виктор – что это значит?

Яропегов. Я думаю – ликвидация малограмотности...

Анна. Балаганный шут...

(Лидия хочет схватить со стола револьвер Яропегова, Арсеньева удерживает её руку, агент – оружие.)

Яропегов *(испуган)*. Что ты, что ты! Ты же не умеешь стрелять!

Лидия *(кричит)*. Я хочу... я должна убить себя... Я – ма-

ленький зверь... Имею право...

Анна. Не притворяйтесь, – вы! Истеричка!

Арсеньева (*агенту*). Можно увести её?

Сомов. Веди себя прилично, Л и д и я!

Лидия. Нет, Николай... Я не могу больше... не могу...

Агент (*товарищу*). Уведи её в комнату, останься там.

Лидия. Катя, – не оставляй меня...

(*Навстречу ей и Арсеньевой – Фёкла, Дуняша, агент.*)

Фёкла. Ба-атюшки, народу-то сколько! Здравствуйте, товарищи!

Дуняша (*агенту*). Не толкайся! Я – не арестованная!

Агент. Нечаянно...

Фёкла. Виктор Павлыч, – ох! Неужто и вас заарканят?

Яропегов. Уже.

Фёкла. Ну, вас, наверно, по пьяному делу!

Агент. Не шуми, старушка!

Фёкла. Да – разве я шумлю? Я тоже не арестованная.

Дуняша. Наша власть, а – толкаетесь. Неучи!

Фёкла. Зря это – рычите вы, товарищ.

Дуняша. Прислуга за господ не отвечает...

Агент. Довольно!

Фёкла. Ну, давай молчим, Дуняшка...

(*Агент, с чемоданом в руке, вводит на террасу Троерукова. Богомоллов, видя его, поднимается со стула, качаясь на ногах.*)

Агент. Гражданин этот бежал куда-то с чемоданом...

Троеруков. Я его нашёл в лесу...

Богомоллов. Этот... чемодан... этот человек...

Агент. Гражданин, не волнуйтесь!.. Мы разберём, кто этот человек и что в чемодане...

(Богомоллов, всхрипнув, падает.)

Фёкла. Ой, глядите, старичок-то...

Анна *(крестясь)*. Вот...

Сомов *(с надеждой, почти с радостью)*. Умер?

(Возня вокруг Богомоллова. Троеруков сделал какой-то знак Сомову, тот – усмехнулся. Погас огонь.)

Агент. Кто погасил? Света! Что с ним?

Яропегов. Должно быть – удар.

Агент. А где арестованный с чемоданом?

(Двое агентов вводят на террасу Троерукова, один из них говорит: «Гражданин этот хотел бежать».)

Троеруков. Неправда! Просто, – я в темноте упал через перила...

Агент. Ловко падаете! Послать машину за доктором, и авто скорой помощи. Есть на фабрике такое авто? Живо! Что там, с обыском? *(Троерукову.)* Ваше имя, гражданин? Род занятий?

Троеруков. Кирик Валентинов Троеруков, учитель пения.